

Все скандинавская линия

Лиза Марклунд

ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

роман

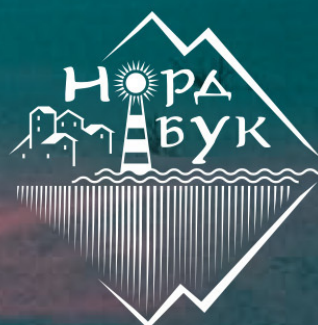
«Полярный круг» —
захватывающий
психологический
триллер, лучшая книга
Лизы Марклунд, изданная
за последние годы.

Verdens Gang, Норвегия

Лиза Марклунд — единственная
писательница Скандинавии,
которая возглавила топ-лист
авторов бестселлеров по рейтингу
газеты «New York Times».

Dagens Nyheter, Швеция

18+



Скандинавская линия «НордБук»

Лиза Марклунд

Полярный круг

Издательский дом «Городец»

2021

УДК 821.113.6-31
ББК 84(4Шве)-44

Марклунд Л.

Полярный круг / Л. Марклунд — Издательский дом «Городец»,
2021 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-907483-87-3

Действие разворачивается в маленьком городке на самом севере Швеции. Пять юных девушек встречаются в читательском клубе, обсуждая любимые книги. Однако напряжение нарастает, ведь все девушки влюблены в одного парня по имени Викинг. После очередного конфликта одна из них бесследно исчезает. Сорок лет спустя ее находят убитой, а четыре женщины вновь собираются вместе. «Полярный круг» (2021) – новый роман известной шведской писательницы Лизы Марклунд, написанный в жанре психологического детектива. Лиза Марклунд (р. 1962) прославилась серией детективов о журналистке Аннике Бенгтзон. Они были переведены на тридцать языков и разошлись миллионными тиражами. На русском языке выходили романы «Последняя воля Нобеля», «Место под солнцем», «Красная волчица», «Прайм-тайм» и другие. В 2010 году Лиза Марклунд вместе с американским писателем Джеймсом Паттерсоном написала роман «Убийцы по открыткам», возглавивший список бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». В 2020 году, во время пандемии, Марклунд начала писать трилогию, первую книгу которой – «Полярный круг» – вы держите в руках. На русском языке публикуется впервые.

УДК 821.113.6-31

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-907483-87-3

© Марклунд Л., 2021

© Издательский дом «Городец», 2021

Содержание

20 декабря 2019, пятница	7
Владимир Набоков «Лолита». Выбор Карины Бюрстранд. 18 апреля 1980 года, пятница	8
20 декабря 2019, пятница	23
Алекс Хейли «Корни». Выбор Сусанны Юханссон. 2 мая 1980 года, пятница	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лиза Марклунд Полярный круг

© Liza Marklund, 2021

© Ю. Колесова, перевод на русский язык, 2022

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2022



20 декабря 2019, пятница

Труп обнаружили в один из самых коротких дней года, тех призрачных дней, когда солнце покинуло людей, живущих у полярного круга, и едва заботится о том, чтобы дать им хоть немного света. Тело лежало в фундаменте моста, ведущего через Питеэльвен в сторону ракетной базы, – обнаженное и обезглавленное.

Это была девочка или, возможно, девушка – кто может определенно сказать, где проходит граница? В момент наступления совершеннолетия? Как бы то ни было, все сразу поняли, кому, вне всяких сомнений, однажды принадлежало это тело.

Ее звали София Хельстен, и ей не исполнилось восемнадцати. Стало быть, девочка.

Дочь тогдашнего главы муниципалитета Хильдинга Хельстена пропала, возвращаясь из библиотеки во второй половине летнего грозового дня 1980 года, почти сорока годами ранее. Ее холщовый школьный мешок с книгами обнаружили в канаве неподалеку от Гранселя через несколько дней, но сама она бесследно исчезла. Вплоть до этого декабрьского дня с его свинцовым небом, когда мир стал непрозрачным и начисто лишенным красок. Ее школьная сумка, одежда и бумажник лежали там, где должна была бы находиться голова.

Все могли бы испытать чувство коллективного облегчения, разом перевести дух. Пустота, возникшая после исчезновения Софии Хельстен почти на четыре десятилетия, оставалась в поселке зияющей раной, которая могла затянуться только в одном случае – если девочку найдут и выяснится правда. По этому поводу все были единодушны. Но теперь все вышло не так, и это объяснялось тем, в каком состоянии ее обнаружили. Безграничное горе и неприкрытая ярость сквозили между строк в сообщениях СМИ об этом событии. Даже Шведское телевидение прислало из Стокгольма свою съемочную группу, чтобы обеспечить качество съемки и звука.

Находка в фундаменте моста глубоко потрясла тех четырех женщин, которые когда-то вместе с Софией Хельстен входили в читательский клуб «Полярный круг». Это событие привело в движение силы, которые десятилетиями старательно сдерживались, взорвало повседневную жизнь, которая, вероятно, никогда и не была по-настоящему гармоничной.

Некоторые сказали бы, что все началось с Викинга Стормберга – одноклассника, в которого некоторые из девочек были влюблены.

Другие указали бы на классовые различия, на то, что девочки происходили из очень разных семей.

Хотя вопрос в том, не началось ли все на самом деле с «Лолиты».

Владимир Набоков «Лолита». Выбор Карины Бюрстранд. 18 апреля 1980 года, пятница

Апрель, самый капризный из всех месяцев.

Ниже по течению реки погоду можно было бы охарактеризовать как неустойчивую, словно корова на трех ногах: эйфорические солнечные и теплые дни, сулящие вечность, ледяные штормовые ночи, приносящие с собой град и уныние.

Утро той пятницы выдалось серое, с горьким привкусом сырости в воздухе.

Время расставания, время тревоги.

* * *

Ступеньки крыльца были покрыты сантиметровым слоем прозрачной наледи – такой, какую и не заметишь, пока не бахнешься об нее копчиком. Прищурившись, Карина отметила, что и тротуар в таком же состоянии, но на улице чуть подальше ей почудилась неровная светло-коричневая полоса песка. Она сделала шаг назад, чтобы взять разбег, и прыгнула. Школьная сумка больно ударила ее по спине, Карина поскользнулась и растянулась во весь рост. Один из муниципальных мусоровозов, зло гудя, проехал совсем близко. Карина показала средний палец его открытому заднему люку. Поднялась, потирая ягодицу – недооценила рикошетный удар сумки. В ней полно библиотечных книг: сегодня последний срок возврата. Два паренька из средних классов прошли мимо по другой стороне улицы, смеясь и показывая на нее пальцами – как смешно, ха-ха. Она послала им воздушный поцелуй. Идиоты.

Карина осторожно двинулась в сторону улицы Кварндаммсвеген. При каждом шаге левой ногой ремень сумки врезался в шею. Это неприятное чувство смешивалось с другими телесными ощущениями: тяжесть в паху от предстоящих месячных, боль в ушибленной ягодице, посасывание под ложечкой. В кладовке лежали лепешки, а в холодильнике стоял кефир, но ей дико не хотелось есть вместе с Ульрикой.

– Черт, ну и синяк у тебя будет!

Сердце заколотилось, застучало в горле, когда Викинг Стормберг прокатился мимо нее по льду тротуара, раскинув руки, словно на скейте, чтобы удержать равновесие, и широко улыбаясь. У нее перехватило дыхание, она мотанула волосами и почувствовала, что у нее замерзли уши – они покраснели? Не забыла ли она накраситься?

– Как мило с твоей стороны заботиться о моей заднице.

– Послушай, Бенни сегодня не ночевал дома, да?

Она сглотнула и пожала плечами.

– Думаешь, мы с ним спим в одной постели? Инцест – хорошее развлечение в кругу семьи.

Она ускорила шаг, стараясь успевать за Викингом, но от этого боль стала еще нестерпимее.

– Папа и Ларс-Ивар забрали его вчера у *Swampen*, мы с Кристером видели.

В очередной раз оттолкнувшись, Викинг укатил вперед по обледеневшей улице. С ярко-красной шапочкой на голове он напоминал семафорный столб. Очертания его фигуры удалялись, и вот он почти исчез из виду, превратившись в мутный четырехугольник на сером фоне.

Ну что ж. Значит, ее бестолковый старший братец, по крайней мере, жив. Папаша Викинга – шеф полиции в Стентрэске, он и раньше не раз запирал Бенни в камере в полицейском участке, чтобы тот проспался.

Расплывчатая фигура Викинга остановилась возле автобусной остановки и заговорила с другими такими же неясными очертаниями, до Карины долетал их смех. Она знала, что ей пора заказать себе очки – теперь она может прочесть на освещенной таблице в кабинете медсестры только три верхние строчки. Таблица висит на том же месте с одними и теми же буквами еще с тех пор, как Карина пошла в первый класс и могла прочесть самую нижнюю строчку:

Б К Ш Н И К Ы В И К

Уже во втором классе она помнила их наизусть, а в третьем, когда она уже не могла их разглядеть, они отчеканились в памяти, словно высеченные на камне. Но книги она по-прежнему может читать, вблизи она все прекрасно видит, никаких проблем. А видеть, что там на доске, ей и не нужно, она и так прекрасно запоминает то, что говорят учителя.

– У тебя прекрасные оценки, – с казала консультант по профориентации на обязательном собеседовании в девятом классе. – Если ты закончишь трехгодичный курс гимназии¹, то сможешь потом учиться дальше. Мне кажется, общественные науки тебе бы подошли.

Словно какая-то старая тетка в синтетическом шарфике, страдающая недержанием мочи, может знать, что ей подходит, а что нет!

– Меня вполне устроят «продажи и офисная работа», – ответила Карина, поднялась и вышла вон.

Стоять за прилавком или работать в офисе можно в любой точке мира. Она уедет отсюда и будет сама себя содержать, как только это станет возможно практически и физически. Первое, что ей следует завести себе, – это контактные линзы, а еще дверь, которую можно закрыть за собой, вернее, которую можно закрыть перед носом у Ульрики, и тогда можно начать жить.

Автобус *Norrbottens trafik* загудел на вершине холма у нее за спиной, она замедлила шаг, чтобы компания, обступившая Викинга Стормберга, успела залезть в автобус, прежде чем она пройдет мимо автобусной остановки. Все учащиеся практических направлений, где требовались особые помещения (автодело, водопровод и канализация, уход за больными), ездили на автобусе в Эльвсбюн – ближе к побережью, к будущему. Гимназия в Стентрэске располагалась в том же здании, что и общеобразовательная школа, и предлагала лишь самые распространенные из теоретических направлений.

Весной Карина сдаст выпускные экзамены в гимназии. Осталось меньше двух месяцев.

Подумать только, многие отсиживают по три года в гимназии только ради того, чтобы надеть на себя белую студенческую фуражку. Ее это несколько не волнует. Она все равно ни за что на свете не напялила бы на себя эту дурацкую кепку – ни за что на свете.

– Привет, Карина! Сегодня читательский клуб!

Это Сусанна окликнула ее из толпы протискивающихся в автобус. Она выбрала гуманитарную специализацию, полуклассический вариант, латынь и прочую ерунду, чего нет в Стентрэске. Карина не могла разглядеть ее в толпе, но подняла руку в знак приветствия: ясное дело, она не забыла. Ведь сегодня будут обсуждать ее книгу – ту, которую она выбрала.

Она пришла рано. Как обычно. Библиотека находилась в том же здании, что и Кварндаммская школа, помещения администрации муниципалитета и полицейский участок – строго говоря, она еще не открылась, но Астрид, библиотекарьша, впустила Карину.

– Мне удалось обнаружить экземпляр «Прозрачных вещей»² – он тебя по-прежнему интересует?

Предпоследний заверченный роман Набокова? Интересует ли он ее?!

¹ Гимназия в Швеции – профильное трехлетнее (реже двухлетнее) образование по окончании средней школы. (Здесь и далее примечания переводчика.)

² Роман Владимира Набокова на английском языке, впервые изданный в США в 1972 году.

– Да, спасибо, – ответила Карина и со стуком поставила сумку с книгами на фанерный прилавок для возврата книг. – Могу я оставить себе «Лолиту» до вечера, пока мы не закончим? Я поставлю ее на место до того, как мы разойдемся.

Читательский клуб, со временем получивший название «Полярный круг», хотя и не по предложению Карины, собирался по пятницам раз в месяц в дальней комнате за детским отделом. Обычно эта комната служила для чтения вслух сказок и занятий по аппликации. Обставлена она была крошечной мебелью и украшена глянцевыми детскими плакатами, но девочки обычно притаскивали несколько мешков-кресел из отдела подростковой литературы.

– Хорошо. Но поставь ее потом, пожалуйста, на полку, где она должна быть. Я отмечу, что ты ее сдала.

Привычными и четкими движениями Астрид вычеркнула из списка сданные книги. Карина бросила взгляд на свои наручные часы. Руки Микки Мауса – или, может быть, лапки? – показывали на восьмерку и девятку. До начала уроков оставалось сорок пять минут. Карина положила «Лолиту» обратно в сумку.

На самом деле ей больше нравилась «Ада, или Эротиада», но ей не удалось найти эту книгу в переводе на шведский, и потому она выбрала самое известное произведение Набокова, когда настала ее очередь предлагать книгу для обсуждения в книжном клубе. Если уж говорить совсем честно, «Ада» может оказаться слишком сложной для некоторых членов клуба, не называя имен. Ах, какое магическое, почти головокружительное чувство – следить за жизнью Ады и Ван Вина и историей их любви в альтернативном мире под названием Демония или Антитерра. Карине очень хотелось с кем-нибудь обсудить эту книгу, но ее, пожалуй, больше никто во всем Норрботтене не прочел. Во всяком случае, никто, кроме нее, не брал ее ни в одной библиотеке региона, это Астрид проверила. Но «Лолита», само собой, удачный выбор, даже несмотря на убогость перевода – прежде всего потому, что ее можно было достать в пяти экземплярах. Текучая проза Набокова и витиеватая игра слов оказались выше всяких похвал, оригинальные французские отсылки, масса безумных ассоциаций: ведь роман в романе был написан в дурдоме. Ясное дело, он вышел немного crazy.

Она уселась за письменный стол в уголке за стеллажом со словарями и справочниками, достала пенал и свои записи. Осталось не так много контрольных, сегодняшняя по машинному счету – одна из последних, и работа на лето уже найдена, однако Карина стремилась заполучить пятерки по всем предметам. Двухлетнюю программу по продажам и офисной работе она выбрала из-за длительной практики в разгар учебы, хладнокровно рассчитав, что таким образом обеспечит себе работу сразу по окончании, и это сработало. Все лето ей предстоит работать на коммутаторе муниципалитета практически самостоятельно.

На ее специализации изучали офисную работу с упором на расчеты, где много места уделялось использованию вычислительных машин, как электрических, так и ручных, а также калькуляторов и бухгалтерских машин: пришлось научиться скоростной печати на клавиатуре, высчитывать скидки и надбавки, освоить расчет заработной платы, процентов, ренты, обмена валюты, сумм по накладным и инвентаризации. И все это оказалось легче легкого.

Пробежав глазами свои записи, она отметила, что все прекрасно знает наизусть. Тогда она достала из сумки роман, закрыла глаза и стала представлять себе все те места, которые Лолита и Гумберт посетили в своей поездке по США: Новый Орлеан, Поплар Коув, Малое Айсберговое Озеро, Коулмонт, Теннесси... Она разыскала их все в своем красном атласе – или, по крайней мере, попыталась, некоторые поселки оказались настолько крошечные, что их там не указали.

Однажды она съездит туда. Скоро, совсем скоро она вырвется из тюрьмы и отправится куда захочет, в любую точку мира.

Карина открыла роман наугад. Положила палец на середине правой страницы и широко раскрыла глаза, чтобы прочесть отрывок, который для нее выбрали случай вместе с подсознанием.

«Но не скажется ли это впоследствии, не испортил ли я ей как-нибудь в ее дальнейшей судьбе тем, что вовлек ее образ в свое тайное сладострастие? О, это было и будет предметом великих и ужасных сомнений!»³

Может ли сладострастие управлять судьбами?

Если бы она знала.

Девочки, входившие в читательский клуб, с первого класса учились в одном классе. Трое из них – Биргитта, Сусанна и Агнета – до школы посещали ту разновидность детского сада, которая была доступна в материковой части Норрботтена в 1960-х годах: частную няню по имени Сигрид Киннунен. Им разрешалось играть в гостиной, но не подниматься на второй этаж.

Читательский клуб возник тогда, когда девочки пошли в седьмой класс, где у них появился предмет под названием «работа по выбору». В рамках этого предмета предлагалось выбрать область для «изучения» из весьма широкого спектра занятий, начиная от рыбной ловли и народных танцев до быстрого приготовления оригинальных блюд. Самый престижный – с большим отрывом – вариант проходил под рубрикой «литературоведение», и среди всех старших классов Кварндаммской школы данный предмет выбрали только пять человек. Символическая ценность этого выбора оказалась велика. Добровольно подвергнуться литературным дискуссиям на последней паре во вторую половину дня в пятницу – это заставляло других учеников, но особенно учителей, останавливать взгляды на головах пяти девушек, приписывая им особую старательность, даже, возможно, интеллектуальность. Само собой, в их сторону полетело несколько нахальных комментариев с упоминанием слова «зубрилка», но в целом их не стали дразнить. Вероятно, из-за того положения, которое занимали их родители, или же, возможно, из-за их привлекательной внешности. По тем временам они все как на подбор были красавицы.

Карина питала самую большую страсть к чтению. Проглатывала книги, как другие поедают лепешки.

Биргитта, мама которой работала врачом в Питео, а папа возглавлял ракетную базу, была самой амбициозной из всех.

Сусанна записалась в клуб, потому что там были Биргитта и Карина.

Агнета мечтала стать писательницей, так что во всех четырех случаях выбор «литературоведения» выглядел логичным и понятным.

Что же касается Софии, то здесь все казалось довольно туманным. Почему она выбрала именно «литературоведение», а не «цвет и форму», например, так и осталось для остальных загадкой. Их общее мнение, никогда не произносимое вслух, сводилось к тому, что за нее решили родители. Ее папа был, как уже сказано, главой муниципалитета Стентрэска и к тому же заместителем председателя в исполнительном комитете социал-демократической партии – ее могучем внутреннем органе.

Таким образом, ходить в читательский клуб «Полярный круг» оказалось занятием вполне престижным, и когда это дошло до остальных учеников школы и они осознали, что тоже могли бы улучшить успеваемость, записавшись в клуб, члены клуба решительно отвергли все заявки. Если другие хотят изучать «литературоведение», то пусть создают свой читательский клуб, а не примазываются к чужому.

³ Цитируется по изданию: Владимир Набоков. Лолита. М., «Художественная литература», 1991, авторский перевод с английского, с. 34.

Так все началось, в таком же духе и продолжилось.

Девочки читали по книге в неделю и обсуждали ее на основании нескольких заданных критериев на последнем уроке недели, по очереди ведя протокол. С самого начала выбирали высокохудожественные произведения, за некоторым исключением. Иными словами, когда произведения предлагали Сусанна или София, то это чаще оказывались книги Кэролайн Кин и Джеки Коллинз.

Тот из членов кружка, кто предложил обсуждаемую книгу, и вел заседание, начинал с краткой презентации книги и своих впечатлений в целом, а затем все по кругу высказывали свои соображения. Затем приступали к обсуждению различных деталей и позиции автора – часто это бывали романы, но не только они.

Таким образом, девочки из читательского клуба «Полярный круг» прошли все старшие классы общеобразовательной школы с очень высокими оценками, за исключением Агнеты, у которой была пятерка по шведскому, но средний балл всего 2,9. Когда библиотекарь Астрид предложила им продолжать свои встречи и после того, как все они поступили в разные гимназии, девочки без колебаний дружно согласились, однако решили встречаться реже – раз в месяц, учитывая возросшую учебную нагрузку. Насколько она в действительности возросла, можно еще обсуждать, но это совершенно отдельный вопрос.

Однако со временем блеск и сияние читательского клуба «Полярный круг» померкли. Другие ученики больше не просились в клуб. Теперь у них появились новые учителя, а у их старых учителей появились новые талантливые ученики. Да и различия между самими девочками стали отчетливее. Компания, сложившаяся еще с детства, начала распадаться.

В начале нового десятилетия, 1980-х, список книг, как обычно, составили на год вперед. Однако двое из членов клуба, Карина и Агнета, должны были уже к лету закончить учебу и, вероятно, покинуть Стентрэск, в связи с чем будущее книжного клуба становилось туманным.

Словом, в их жизни наступил период, когда изменения неизбежны.

* * *

– Значит, ты все запрешь, Карина, а потом оставишь ключи на охране...

Астрид вложила большую бронзовую лошадь с висящим на ней ключом в протянутую руку Карины, закрыла за собой дверь и помахала девочкам рукой из-за стеклянной стены. Карина помахала в ответ. Глухо гудела вентиляция. Воздух казался прохладным и колким – и не только из-за мороза на улице. Все собрались, к тому же почти вовремя. Биргитта, как всегда, появилась последняя, потряхивая гривой блестящих черных волос. Карина повесила верхнюю одежду на вешалке у отделения подростковой литературы, но остальные принесли все свои вещи в крошечную комнату сказок: сумки, сапоги, шарфы, гетры, толстые вязаные рукавицы. Карине показалось, что эти кучи одежды вдоль стен – словно линия обороны – и в позах девчонок на мягких креслах ей почудилось то же самое настроение. Рядом с Биргиттой стояла ее большая сумка *Adidas* – наверное, там все грязное белье за всю неделю. Вид у нее усталый, волосы не расчесаны. На неделе она живет у мамы в Питео, где учится на отделении общественных наук в Стрёмбаккской школе, а на выходные приезжает домой к папе, директору ракетной базы.

Сусанна жевала «шейк», так что по комнате распространился запах лакрицы – вытаскивала коричневую жвачку изо рта и накручивала на палец, довольно-таки отталкивающее зрелище. София достала изо рта леденец на палочке, завернула в бумажку и положила обратно в сумку – кстати, о мерзости. Затем раздала всем копии протокола прошлой встречи – по пять страниц формата А4, соединенные скрепкой, где, как обычно, отражено все до мельчайших нелепых подробностей. Все взяли у нее листки, но никто не стал читать. Она стянула волосы в

хвостик на затылке, подвинула очки на переносицу и уселась, достав свой неизменный блокнот. Агнета смотрела в окошко под потолком – казалось, ее мысли витают где-то в другом месте.

– Хорошо, поговорим о «Лолите», – начала Карина и уселась на детский диванчик. Кресел-мешков было всего четыре.

Она отложила в сторону излишне подробный протокол Софии – ее резюме дискуссии на мартовской встрече: «Крупинки» Джудит Кранц, господи боже.

– Не знаю, насколько хорошо вам известен Владимир Набоков, – проговорила она. – То, что он родился в России и написал свои первые девять романов по-русски, а потом эмигрировал в США и начал писать на другом языке, вы наверняка знаете, а вот известно ли вам, что он был специалистом по шахматам и бабочкам?

Она оглядела подруг. Биргитта раздраженно заерзала, а Агнета с отсутствующим видом стала чесать руку.

– Он родился в дворянской семье, потомок принца Набока Мурзы, его дедушка владел золотыми приисками. В том, что он начал писать по-английски, возможно, нет ничего исключительного, как могло бы показаться. Ведь он с детства свободно говорил на трех языках – русском, французском и английском...

Остальные не проявляли особого интереса. Карина откашлялась.

– Раз за разом ему приходилось бежать: сперва из России – от коммунистов, потом из Германии – от нацистов. В Берлине он женился на русской еврейского происхождения по имени Вера, они прожили вместе всю жизнь. Долгое время он жил в США, но умер в Швейцарии всего пару лет назад. Что же касается его позднего творчества...

Казалось, никто из девчонок ее не слушает, горло сдавило. Вероятно, продолжать презентацию бессмысленно.

– Давайте все по кругу изложат свое мнение, – проговорила она. – София, ты записываешь?

София кивнула. Раньше они вели протокол по очереди, но потом перестали чередоваться. Теперь протокол всегда вела София, однако каждый раз ей приходилось об этом напоминать. Она со свойственной ей основательностью открыла в блокноте новую страницу и взялась за ручку. Никто не высказывал желания начать. Повисла напряженная пауза.

– Гитте? – обратилась Карина к Биргитте.

Голос прозвучал хрипло.

Биргитта откинула свою роскошную копну волос, вздохнула и порылась в сумке *Adidas*, вытащила экземпляр книги – следом потянулись носок и трусики с пятном выделений на ластовице.

– Я должна... – начала Биргитта и засунула обратно свое грязное белье.

Застыла, сжав в руках книгу. Смотрела на нее, так и не закончив фразы.

– Что? – спросила наконец Карина.

Биргитта сделала глубокий вдох. Когда она заговорила, голос ее зазвучал низко и глубоко, с интонациями, которых в нем раньше не было. Так может говорить только человек, взгляды которого непоколебимы, словно отлиты в бетоне.

– Короче, почему мы должны читать эту книгу? Как ты могла ее выбрать? Это же *полное дерьмо!*

Сусанна перестала жевать, Агнета выпрямилась, так что зашуршали пластиковые шарики в кресле-мешке. Карина почувствовала, как пульс снова застучал в горле – как утром, когда Викинг Стрёмберг пронесся мимо нее по обледелой улице.

Хотя атмосфера в читательском клубе в последний год сильно изменилась, однако за все эти годы у них никогда не случалось кардинальных разногласий. Она попыталась рассердиться, за что-нибудь ухватиться.

– Что ты имеешь в виду?

– Подожди-ка, – выпалила Сусанна и подалась вперед так, что чуть не ударилась коленями о миниатюрный журнальный столик. – Гитте, поясни свою мысль. Почему ты считаешь, что эта книга – дерьмо?

Карина почувствовала, что краснеет, уставилась на Биргитту, пытаясь разозлиться, но вместо этого ощутила состояние, близкое к невесомости – словно детский диванчик под ней вдруг исчез.

– Этот самый Гумберт Гумберт, главный герой, – заявила Биргитта, – мерзкий тип, который женится на женщине, потому что его возбуждает ее маленькая дочь. Это так отвратительно, что просто хочется блевать на протяжении всей книги. Такое может понравиться только тем, кто совсем с головой не дружит.

В ушах у Карины зашумело, ответ Сусанны она услышала словно через фильтр адреналина.

– Мне тоже показалось, что книга отвратительная, но зачем же так говорить? Такие книги тоже нужны.

– Но ведь это порнография! – сказала Биргитта. – Вы что, считаете, что порнуха – это хорошо?

«Это не порнуха!» – хотелось крикнуть Карине, но она не смогла выдать из себя ни звука.

– Могла бы и не читать, раз тебе она показалась такой ужасной, – ответила Сусанна.

Биргитта повернулась к Карине и ткнула в нее книгой, которую по-прежнему держала в руке.

– Да нет, – возразила она, – мне пришлось это прочесть, потому что *она* выбрала эту дрянь. Эту чертову похабщину.

Она швырнула книгу на пол. Карине показалось, что книга горит – трещит и корчится от боли. Она не понимала, что книга пытается сказать, но явно много всего. Биргитта побагровела, отчего сделалась некрасивой. Агнета наклонилась вперед и заботливо подняла книгу, погладила по обложке, словно стряхивая пыль.

– А мне п-п-понравилось, – ответила она в своей обычной негромкой манере. – Хотя читать ее нелегко, и все так трагично. Интересно было почитать об Америке 50-х годов, но все герои такие г-г-грустные, и все умерли...

В комнате стало тихо, Карина снова смогла дышать. Вернулось гудение вентиляции.

– А что касается любви, – продолжала Агнета, доставая из сумки свои комментарии, отпечатанные на машинке, всегда через красную ленту, – кто имеет право судить другого за то, что тот ч-ч-чувствует? Если это никому не приносит вреда, человек ведь имеет право любить кого угодно?

– Тут речь вовсе не о любви, – отрезала Биргитта. – Этот мерзкий дядька одурманивает и насилует свою падчерицу, просто псих какой-то. А потом он убивает другого человека – и это называется «не приносит вреда»?

– А я все равно считаю, что человек имеет право сам выбирать, какие книги читать, – настаивала Сусанна.

– Гумберт Гумберт, конечно, противный, – согласилась Агнета. – И с-с-сумасшедший. Но ведь не все герои в книге должны быть симпатичными...

– Очень даже можно навредить другим своей любовью, – заявила Биргитта, – любя чересчур или же не любя вовсе.

На мгновение по комнате проскользнул дух Викинга Стормберга, но все опустили глаза, делая вид, что его нет. Все знали: Биргитта резала себе руки, когда Викинг с ней расстался.

– София! – проговорила Карина, и ей удалось произнести это почти обычным голосом. – А ты что думаешь?

София положила ручку на блокнот и подняла глаза.

– Главный герой всю жизнь то скует из-за того, что в детстве потерял подругу. Мне кажется, это очень странно. Почему он не завел себе новую?

Она снова взяла ручку и склонилась над блокнотом.

Биргитта выбралась из своего мешка-кресла, так что черные волосы заплясали вокруг лица, закинула за плечо сумку *Adidas*, а куртку перекинула через левую руку.

– Мне очень жаль, – произнесла она. – Я прямо с автобуса, даже не заходила домой, а нам на выходные задали кучу уроков. Так что я ухожу.

Все заморгали, явно с недоверием. Биргитта стояла, перетаптывалась на месте. Сусанна поднялась первой, затем остальные, все обнимали ее, вздыхали преувеличенно громко и сочувственно – бедняжка, как тяжело ездить туда-сюда, как у тебя хватает сил, мы ведь встретимся завтра, ведь в три часа матч, ты придешь посмотреть? Нет, ясное дело, она не сможет, этакая святая мученица. Звезда местной хоккейной команды – Викинг Стормберг, он практически единолично вывел «Полярный круг» – да-да, именно так называлась команда, если кого-то интересовало происхождение названия читательского клуба – в третий дивизион. В те дни, когда на промерзшем катке Кварндаммской школы игрались матчи, вся жизнь в Стентрэске замирала.

Карина устремила взгляд на Биргитту.

– Ты действительно собиралась покончить с собой, когда резала себя? Или просто хотела привлечь к себе внимание?

Биргитта охнула и побледнела. Казалось, даже воздух в комнате замер. Карина почувствовала, как гнев хлынул наружу, словно лава – поток ярости, разрушающий все на своем пути.

– Тяжело тебе, наверное, все время сидеть на Олимпе, – продолжала она. – Ясное дело, приходится тебе, бедняжке, иногда спускаться вниз, чтобы попинать ногами нас, простых смертных. Обзывать нас мерзкими и тупыми, хотя на самом деле ты даже не понимаешь, о чем речь.

Она перевела дух – звук в тишине отдался эхом.

Биргитта повернулась и ретировалась к выходу. Все смотрели ей вслед. Входная дверь с грохотом захлопнулась. Агнета и Сусанна так и застыли с полуоткрытыми ртами. У Карины пылали щеки.

До этой минуты никто из них ни разу не решался раскачивать лодку, ставить под сомнение хрупкое единство, построенное на общих воспоминаниях детства и отсутствии других вариантов. Так они и стояли, балансируя на краю пропасти, пока Сусанна не решила тоже прыгнуть. Взглянув на свои часы – пластмассовые швейцарские, предмет ее безмерной гордости, она покосилась на Карину. Карина отвела глаза. Сусанна вернулась в комнату сказок, чтобы собрать свои гетры пастельных цветов. София захлопнула блокнот и засунула его во внутреннее отделение кожаной сумки с логотипом дубильни в Бёлебю, снова достала леденец на палочке. Бумажка приклеилась, зашуршала, нехотя отрываясь. Сусанна не сколько раз обмотала вокруг шеи вязаный шарф. Агнета засунула свой листок с комментариями обратно в сумку. Гудела вентиляция.

Сусанна подошла и встала вплотную к Карине, шарф закрывал половину лица. Сдвинув его вниз, она понизила голос до театрального шепота.

– Гитте видела вас, – прошепела она, достаточно громко, чтобы и другие услышали. – Она видела вас, как вы разговаривали. Ты что, влюбилась в Викинга?

Карина открыла было рот, но тут же снова закрыла, ничего не понимая. Гнев замер, словно наткнувшись на невидимое препятствие.

– Давай, изображай невинность, – буркнула Сусанна и направилась к выходу.

Агнета поспешила за ней, не попрощавшись, Карину обдало запахом мыла, когда та пронеслась мимо. София устремилась следом, как послушный щенок.

Во всей библиотеке, кроме детского отдела, царил мрак, и, хотя Карина не видела дальше своего носа, ей стало ясно: что-то рухнуло. Она так и осталась стоять в дверях – ноги застыли, словно отнялись. Неуклюжими движениями она надела сумку и погасила свет. Густые тени поглотили ее. От звука машин, проезжающих мимо по Фёренингсгатан, в окнах дрожали стекла, из прочих звуков был слышен только гул вентиляции.

Закрыв дверь в комнату сказок, она вдруг кинулась в приступе внезапного страха к вешалке и выходу. Едва успев засунуть одну руку в рукав куртки, она захлопнула за собой входную дверь, повернула ключ с дурацкой неуклюжей побрякушкой и бросила его на столик дежурного полицейского участка, не проронив ни слова.

По улице Фёренингсгатан гулял ледяной ветер. Он шипел за углами домов, неся острые кусочки льда из Арктики, застревавшие на фасадах домов и обжигавшие щеки Карины. Она застегнула молнию на куртке до самого верха и пожалела, что на ней нет шапки – ну и пусть шапка придавила бы волосы, кому какое дело? Карина подняла плечи, пытаясь хотя бы немного спрятать уши в воротник – с переменным успехом. Эту куртку она носит с девятого класса, она ей уже давно мала. Мама обещала ей новую на Рождество, но муниципалитет объявил о сокращениях социального обслуживания на дому – рабочих часов оказалось меньше, чем хотелось бы. Начальник отдела ссылаясь на новый закон о Социальной службе, который вот-вот должны принять, но в это никто не верил – по крайней мере, в семье Карины.

За тучами по-прежнему угадывался серый сумеречный свет. Он ложился поверх крыш, загоняя людей в дома и машины.

При мысли о том, чтобы идти домой, у Карины засосало под ложечкой – трижды проклятая тесная квартирка без балкона. Мама и папа перед телевизором, Ульрика с телефонной трубкой, словно намертво приклеенной к уху, ее монотонная болтовня о парнях и самогонке. В сознании промелькнул образ Биргитты, ее черные глаза и бледные щеки – небось сидит и жалеет сама себя на вилле, где комнат не меньше, чем у семьи Бюрстранд квадратных метров жилья.

И еще она знала, что Сусанна солгала. Биргитта не могла стать свидетелем их с Викингом краткой беседы утром, ведь на неделе она живет в Питео и не ездит на автобусе в Эльвсбюн. Наверняка сама Сусанна видела их и разболтала Биргитте.

Или – может быть, она беседовала с Викингом в другой раз в последние несколько недель?

Карина сделала глубокий вдох, ледяной воздух обжег горло.

Случись такое, она бы не забыла.

Интересно, у Викинга теперь новая девушка? Может быть, спросить Софию – вдруг она знает. Они ведь в одном классе, на естественно-научном отделении.

Ноги в грубых ботинках казались тяжелыми как свинец, она вяло шаркала ими о гравий, но вдруг они остановились, словно жили какой-то своей жизнью.

Тут она вспомнила, что забыла сдать свой экземпляр «Лолиты». Она должна была вернуть ее на место на нужную полку – иностранная литература в переводе на шведский язык.

Плевать.

Мимо, хрустя по гравиям, проехал микроавтобус с обледеневшими стеклами, замедлил ход и остановился впереди на Стургатан. Двигатель заглох, открылись двери, раздались голоса мужчин, говоривших по-английски. Она тихо охнула, прищурилась, чтобы рассмотреть их. Наверное, американцы, возвращающиеся в пансионат *Stone Swamp Inn* – пансионат с самым идиотским названием на свете⁴. Карина услышала, как открылась и закрылась дверь, американцы исчезли. Черт подери, самая первая вещь, которую она купит со своей первой зар-

⁴ Stone Swamp – буквальный перевод на английский названия поселка Стентрэск, «каменное болото».

платы, – это контактные линзы. Очки она ни за что не наденет, даже под страхом смерти. Страхнув с волос снег, она двинулась вверх по горбатой Стургатан.

В окнах паба пансионата *Stone Swamp Inn* горел теплый желтый свет – как единственный цветной островок посреди черно-белого фильма. Стекла запотели изнутри и покрылись ледяными узорами снаружи, из паба доносилась музыка.

Хочу жить сейчас, не потом, а сейчас...

С этой песней Томас Ледин только что выиграл отборочный тур и попал на конкурс Евровидения – она до боли прекрасна.

*Уехать, уехать —
Скорее в Париж,
Ну что ты в кафешке
Унылой сидишь?*

Поднявшись на четыре ступеньки вверх, Карина открыла дверь.

В лицо ей ударили запахи: сырость, сигаретный дым, пивная отрыжка. Мокрая шерсть и арахис. Отпустив дверь, так что та с резким скрипом захлопнулась за ней, Карина прищурилась, вглядываясь в туман. Гул голосов напоминал грязный коврик – мерзкий и все же уютный. Томас Ледин смолк, его сменил Эдди Медуза, который заорал, что ни одна сволочь не смеет прийти к нему и заводить разговоры о панк-роке. Вдохновляюще.

– В баре есть место, – сообщила ей незнакомая задержанная официантка и указала пальцем куда-то, где дым смешивался с тенями.

Карина сняла варежки. Кто-то засвистел в два пальца, она не видела, кто, да и не собиралась принимать это на свой счет. Глаза сфокусировались на стойке бара и бармене – высоком блондине, имени которого она не могла вспомнить. В дальнем конце стойки оказалось два свободных стула. Усевшись на один из них, Карина положила школьную сумку на другой, потянула вниз молнию на куртке.

– Кока-колу, – сказала она блондину. – Со льдом, пожалуйста.

– Гляди, какие жернова, – проговорил старикан за столом позади нее.

Карина не знала, к кому он обращается, но на всякий случай отвернулась. Появилась запыхавшаяся официантка с двумя пиццами, покрытыми свиным филе и бернским соусом, поставила их перед стариком и его приятелем.

– Два больших крепких и две по шестьдесят водочки *Renat*⁵, – буркнул старикан.

Официантка выудила из кармана блокнотик, повторила заказ и исчезла.

Карине подали ее бокал с напитком. Эдди Медуза продолжал ругаться – все панки свиньи и пусть катятся к чертям. Прищурившись, Карина осторожно огляделась, но не обнаружила ни одного знакомого лица. Отчасти это объяснялось тем, что она ничего не видит, отчасти темнотой и дымом, но в первую очередь тем, что в такой ранний час многие еще не добрались до бара. Бенни и его приятели наверняка сидят где-то, похрустывая чипсами и запивая их лимонной фантой. Мама больше не разрешает им сидеть у них дома, так что они наверняка тусуются у Анте или Боба. Ей придется ретироваться до того, как кто-то из них появится здесь.

– *This seat taken?*⁶

Она подняла глаза и встретила взглядом с бородатым американцем.

⁵ Ренат – популярный сорт шведской водки.

⁶ Это место занято? (англ.)

Бинго!

– *What?*⁷ Нет.

Она поспешила убрать сумку с барного стула, опустила ее на пол рядом с собой. Только тут заметила, как в помещении жарко и душно.

У американца была широкая задница и некрасивые джинсы, такие ненатуральные, как из супермаркета. Он заказал арахис и пиво, которое стал пить прямо из горлышка. Протянул ей пачку сигарет, она взяла одну, он поднес ей зажигалку. Потом закурил сам, выпустил струйку дыма.

– *So you live here or...?*⁸

– *In this pub?* No⁹.

Он громко рассмеялся.

– *You're funny*¹⁰.

Американца звали Брюс, он оказался родом из Аризоны. Карина не стала спрашивать, чем он занимается в Стентрэске, – сама знала. Ее папаша работал охранником на ракетной базе, однако не он разболтал. В этом не было нужды. Все иноземные державы, испытывавшие свое оружие массового поражения на просторах вокруг Стентрэска, всегда останавливались в *Stone Swamp Inn*. Достаточно пройти мимо ресторана, где завтракают проживающие, или мимо паба, или просто посмотреть, какие микроавтобусы останавливаются снаружи, чтобы понять, кто приехал на этот раз.

Когда она допила свою колу, он спросил, не хочет ли она еще, и она ответила, что хочет. Тогда он заказал ей еще одну колу, но на этот раз с ромом. Напиток оказался таким крепким, что у Карины перехватило дыхание. Она взяла горсть арахиса – ей хотелось дать ему почувствовать, что они едят их вместе.

Бармен поменял кассету в магнитоле, и зазвучал диск группы *Boppers* «*Number 1*»¹¹. Такая пластинка была у Карины дома. Первая песня называлась «*At the Hop*»¹², там говорилось о том, как круто танцевать свинг и рок в одном месте, которое, судя по всему, называлось *The Hop*. Американец стал подпевать, Карина лишь напевала тихонько, зная, что не умеет петь.

Он спросил, что может делать красивая девушка в Стентрэске в пятницу вечером, и она ответила как есть: что она была с подругами на собрании читательского клуба. О Набокове Брюс никогда не слышал. О группе *Boppers* тоже, что, пожалуй, не так и удивительно, однако с уверенностью заявил, что они американцы. И *Pippi Longstockings*¹³ тоже придумали в Америке, а вот АББА – шведы. Он хотя бы не конченный дурак, повезло. Он сказал, что живет в Тусоне, рядом с полем для гольфа. Она не играет в гольф? Она поперхнулась от одного вопроса.

Он хотел потанцевать, хотя было очень тесно. Она рассмеялась и стала отмахиваться, хотя и не всерьез. Он положил руки ей на талию и поднял ее со стула, они стали двигаться в такт музыке. Вокруг них толпились и толкались, Карина споткнулась и наступила на свою сумку. Под подошвами грубых ботинок оказалась библиотечная книга – так тебе и надо, проклятая «Лолита». Почувствовала, как на глаза навернулись слезы, потянулась за своим бокалом, залпом допила все, что в нем оставалось. Кивнула, когда американец спросил, не хочет ли она еще.

⁷ Что? (англ.)

⁸ Так ты живешь здесь или... (англ.)

⁹ В этом пабе? Нет (англ.).

¹⁰ Ты забавная (англ.).

¹¹ Номер 1 (англ.).

¹² На прыжке (англ.).

¹³ Пеппи Длинныйчулок (англ.).

В пабе было почти невыносимо жарко. *Boppers* допели пластинку до конца и теперь говорили «спокойной ночи» – очень в тему. «*Goodnight, sweetheart*»¹⁴, жаль покидать тебя, но что делать? Можно остаться! Она рассмеялась, ей снова захотелось выпить!

Американец притянул ее к себе, прижавшись к ней всем своим мощным телом, от него пахло дымом и туалетной водой. Одна ладонь скользнула по ее спине и оказалась за поясом брюк – как раз там, где остался синяк от утренней встречи с тротуаром. Она допила остатки очередного напитка.

Не хочет ли она заглянуть к нему в номер? Там у него есть еще выпивка. Она закрыла глаза и кивнула. Наклонившись, чтобы взять куртку и сумку, она заметила, что нетвердо стоит на ногах. Он хотел держать ее за руку, пока они шли через паб, но она стряхнула с себя его руку, нет необходимости сообщать всему городу, ха-ха-ха.

Брюс жил на втором этаже. Ковровое покрытие в коридоре было темно-зеленое, потертое посередине. Она поцеловала нового знакомого, пока он возился с ключом, борода колосась, во рту у него остался острый вкус пива и арахиса. Ключ упал на пол, Брюс прижал ее к стене – его таран к ее лобку. Со стороны лестницы донеслись смех и шаги, Карина вывернулась и схватила ключ. Ей удалось вставить его в скважину, повернуть, распахнуть дверь... Она ввалилась в номер в тот момент, когда коллеги американца заметили их и помахали им. Плевать. С ними тоже девушка – видать, затеяли групповуху. Бросив куртку и сумку возле двери, она стала расстегивать на американце рубашку. Он стянул с Карины джемпер и громко охнул – она не носила лифчика. Едва она легла на кровать, он навалился сверху, прежде чем она успела стащить с себя вторую брючину. Стянув с нее трусики, он сразу вошел в нее. Боль была дикая, Карина громко застонала от боли, но он воспринял это как комплимент. Он дергался на ней – быстрые ритмичные движения без всякого чувства, она смотрела в потолок и заметила, как все слегка покачивается перед глазами. Черт, она слишком быстро напилась. Его острые колени упирались ей в бедра, при каждом толчке синяк на копчике отзывался болью. Временами мужик вспоминал, что она лежит под ним и останавливался, чтобы повертеть ее левый сосок – не грубо, но и не особо приятно. Кончая, он застонал и так тяжело навалился на нее, что ей было не вздохнуть. Он что-то пробормотал ей на ухо, наверное, спрашивал, хорошо ли ей было, но она не знала, что ответить. Он скатился с нее, и она наконец смогла сделать глубокий вдох. Из нее на покрывало вытекала семенная жидкость. Карина от души надеялась, что месячные еще не начались. Он ушел в ванную и включил душ. Несколько секунд Карина лежала неподвижно, размышляя, как вести себя дальше. Покусала губы, чтобы сделать их большими и красными, села и взбила подушки. Стащила с себя джинсы и трусики, застрявшие где-то на полпути, откинулась на изголовье кровати и постаралась придать себе безмятежный вид. Душ выключился. Американец кашлял и плевался. Вышел с висющим между ног членом и полотенцем в руке, удивленно замер, увидев ее, сидящую голой в постели. Она попыталась улыбнуться, но в голове шумело.

– *Are you hungry?*¹⁵ – спросила она.

– *We've had dinner*¹⁶, – ответил он.

– *How about that drink you talked about?*¹⁷ – спросила она, раздвигая ноги.

Он опустил глаза и отвернулся.

– *I'm sorry*, – проговорил он, – *but we have some work to do tonight...*¹⁸

¹⁴ Спокойной ночи, милая (англ.).

¹⁵ Ты голоден? (англ.)

¹⁶ Мы ужинали (англ.).

¹⁷ Как насчет того напитка, о котором ты говорил? (англ.)

¹⁸ Мне очень жаль, но у нас на сегодня еще осталась работа (англ.).

Она сглотнула, пока до нее доходил смысл сказанного. Он поймел ее и теперь мечтает как можно скорее от нее отделаться. Она стала нащупывать рукой трусики. Он снова зашел в ванную, закрыв за собой дверь.

Джемпер оказался под кроватью, где было полно пыли. Карина бережно отряхнула его – е го связала одна из тетушек, за которой ухаживала на дому ее мама. Джемпер любимый, из красной мягкой пряжи, не колется.

– Я ухожу! – крикнула она в сторону ванной.

Американец не ответил.

Взяв куртку и сумку, она вставила ноги в ботинки и вышла из номера. Коридор казался ей бесконечным, ей пришлось схватиться рукой за стену, чтобы остановить качку. Дверь, за которой исчезли коллеги американца, стояла приоткрытая, внутри горел свет, и там вечеринка была в полном разгаре. Все трое мужчин работали одновременно, девушка стояла на четвереньках, члены во всех отверстиях. От этой сцены Карина охнула, импульс возбуждения пронесся в ее пострадавшем паху. Инстинктивно нагнувшись вперед, она попыталась закрыть дверь, но дверь не закрылась – в ней застряла сумка. Карина задвинула ее ногой в комнату, но только когда дверь закрылась и щелкнул замок, в мозгу возникло осознание того, что она увидела: сумка была кожаная, из дубильни в Бёлебо. Тем временем снаружи стало совсем темно. Мороз крепчал, но ветер утих. Шел легкий снег. Между ног было холодно и липко. Возле киоска Дагге торчали мальчишки из старших классов со своими мопедами. По смеху она услышала, что среди них Хокан, младший брат Сусанны. Они принялись свистеть и орать ей вслед, когда она проходила мимо, но у нее не хватило сил даже показать им средний палец. От мороза в голове прояснилось. Карина взглянула на часы. Микки-Маус показывал без четверти десять. Не так уж и поздно. Ее подташнивало, но терпимо. Сумка была легкая, учебники она оставила в своем шкафчике в школе – какой смысл таскать их с собой и зубрить в выходные? В сумке лежали только записки и «Лолита». Остановившись на автобусной остановке на Кварндаммсгатан, Карина достала книгу. Дополнительный библиотечный переплет не помог. Корешок сломался, когда она наступила на него. Несколько страниц выпали и теперь, покружившись, приземлились в снег. Она подняла их, вытерла варежкой, щурясь на текст в свете уличного фонаря.

Но не скажется ли это впоследствии, не испортил ли я ей как-нибудь в ее дальнейшей судьбе тем, что во влек ее образ в свое тайное сладострастие? О, это было и будет предметом великих и ужасных сомнений!

Карина скомкала страницы и засунула в урну, сдавив в единый ком слова Набокова, бумажку от жвачки и использованный автобусный билет. Несколько мгновений она держала в руке книгу, потом вышвырнула и ее тоже.

Тротуар перед ее домом забыли посыпать песком. От только что выпавшего мелкого снежка стало ужасно скользко. Она осторожно продвигалась черепашьям шагом по ледяному покрытию, но все же поскользнулась, ударившись коленом и бедром. От боли на глазах выступили слезы, черт, черт, черт. Некоторое время она так и сидела на тротуаре. Мороз и влага проникли через ткань брюк, ягодицы отнялись, утратили чувствительность, в этом ощущении таилось нечто привлекательное и многообещающее. Мембрана, отделяющая от безумия, казалась тонкой и натянутой, словно кожа на барабане, этот выход всегда под рукой.

Мысль напугала Карину. Она поспешно поднялась на ноги.

Лампочка в подъезде на их этаже перегорела, но это не имело значения. В этом подъезде Карина знала каждый уголок, сразу нащупала замочную скважину. В нос ударил запах бекона, в животе у Карины перевернулось – обед в школе она тоже пропустила.

– Карина, это ты?

Из гостиной донеслось позвякивание, когда мама отставила на журнальный столик грог с кусочками льда.

– Угу, – буркнула она в ответ, сбросила ботинки, повесила куртку. Встала в дверном проеме со школьной сумкой на плече.

– Что вы смотрите?

Папа фыркнул.

– Ингмара Бергмана, – произнес он. – Подходящее занятие в пятницу вечером?

– Ингмар, – поправила Карина. – Его зовут Ингмар.

– Где ты была? – спросила мама.

– В читательском клубе, – ответила Карина. – Засиделись, заговорились. О творчестве Набокова и чем оно отличается от творчества Бродского.

– Ты поела?

– Угу, – ответила Карина. – Но бутерброд я все же съем.

– Там остались пальты¹⁹. Как контрольная?

– Хорошо.

Карина вошла в комнату, которую делила с младшей сестрой, положила сумку на стол и засунула протоколы в обувную коробку – к остальным. Сестра валялась на кровати, читая одну из ее книг про Китти.

– Кто тебе разрешил это брать?

– Пойди убейся, – ответила Ульрика.

Карина вернулась в кухню. Остатки ужина стояли в холодильнике, она нарезала целый пальт на ломтики. Намазав на него сверху масло, начала есть, стоя возле мойки. Вошел папа, сел за кухонный стол, уставился на нее, не отводя глаз.

– Ты что, выпила?

Она развела руки в красноречивом жесте, показывающем, насколько нелеп этот вопрос.

– Бенни опять вчера задержали в пьяном виде, – проговорил папа.

– Знаю, – ответила Карина.

– А ты откуда знаешь?

– Все знают.

Она нарезала новый пальт, внутри оказалось много бекона. Сосредоточила все усилия на том, чтобы движения получались четкими и трезвыми.

– Хассе нашел работу, – сказал папа. – В Стокгольме.

Карина замерла, не донеся до рта пальт, почувствовала, как по телу пронеслась волна адреналина. Хассе был ее второй брат – тот, который не пил.

– В психушке, – продолжал папа каким-то странным голосом. – Санитаром.

– В Бекумберга²⁰? – спросила Карина. – Когда он переезжает? Где он будет жить?

Папа посмотрел на свои руки.

– Что ему там делать? – проговорил он со вздохом.

Потом поднялся, поплелся в гостиную, где Ингмара Бергмана уже сменил какой-то концерт классической музыки.

– Пойду лягу.

Мама не ответила. Кусочки льда позвякивали в бокале.

Бекумберга – наверняка он поедет туда. Она читала в газете с объявлениями о работе, что там требуется персонал. Там сотрудникам дают служебные квартиры! Она могла бы переехать вместе с ним!

– Хассе!

¹⁹ Пальт – шведское национальное блюдо – колобки из тертого картофеля с жареным беконом внутри.

²⁰ Бекумберга – большая психиатрическая клиника в Стокгольме, существовавшая с 1932 по 1995 год.

Она просунула голову в комнату братьев – на полу кучи грязного белья и журналов про машины, никаких братьев.

Карина отправилась в ванную, почистила зубы, удалила макияж и подмылась. Пошла напрямик в свою кровать, не удостоив Ульрику взглядом, взяла географический атлас, лежавший на ночном столике. Открыла указатель на последних страницах.

Тусон, Аризона.

Отыскала нужную страницу – юг США, пустынный ландшафт, довольно близко к границе с Мексикой. Карина положила палец на название.

Закрыла глаза, почувствовала, как точка на карте обжигает подушечку пальца.

Каково бы это было – поселиться там? В таком месте, где никогда не бывает минусовой температуры, в стране, где возможности человека ничем не ограничены...

Американцы вернутся, она точно знала. Поэтому-то и строят новый мост через реку Питео.

Янки хотят безопасно перевозить свои машины смерти через бурную порожистую реку.

20 декабря 2019, пятница

Жители поселка Стентрэск испытывали гордость по поводу, так сказать, размера.

Помимо порогов и ракетной базы, у них есть еще и мост, самый большой во всей долине реки Питеэльвен. Почти на метр шире, чем тот, по которому проходит трасса 94 на Эльвсбюн, потому что там велосипедная дорожка только по одной стороне. Вот уже сорок лет мост соединяет поселок с парадоксом, расположенным по другую сторону реки, – высокотехнологичной пустошью.

Трещины в пролетной балке на южной стороне моста обнаружили в конце октября 2019-го – повреждения оказались значительными. Всю осень на ракетной базе наблюдалась активность, и мост играл ключевую роль во всей ее деятельности. Поэтому тендер на реставрацию моста был проведен в рекордные сроки – некоторые критики утверждали, что он прошел с нарушениями.

Однако факт обнаружения тела положил конец этим дискуссиям.

Не следует забывать, что условия осуществления самого проекта были, мягко говоря, далеки от оптимальных. Работы затруднялись из-за морозов и темноты. Однако из соображений безопасности никакие другие альтернативы – кроме как немедленно провести ремонт – не рассматривались.

Когда-то мост строился для того, чтобы выдерживать тяжелый транспорт, направлявшийся к базе: танки, различные виды бронемашин, ракеты, которые иногда перевозили по суше, иными словами, все виды оружия и материалов, необходимых для работы ракетной базы. Однако со временем выяснилось, что несущая способность конструкции оказалась явно недостаточной.

Реконструкция краевых балок – классическая ремонтная мера для обеспечения несущей способности и безопасности, а здесь ее пришлось проводить в усложненных условиях. Кроме всего прочего, пришлось использовать различные виды ускоряющих и противообледенительных присадок для литья и каменных работ при температуре ниже нуля, составы на основе растворов нитратов натрия, а также средств, понижающих точку замерзания. Для удаления льда и снега с бетонных поверхностей – техническую соль, не содержащую хлориды, которая не повреждает бетон или арматуру. Для формирования анкерных болтов использовали расширяющий строительный раствор для заливки, что вполне оптимально также для анкерных болтов со сплошным стальным стержнем, болтов со сквозным отверстием, комбинированных анкерных болтов и прочего. Обогреватели и прожектора на мосту, где то одна, то другая полоса движения перегорожена. Бытовки для обогрева и санитарных нужд строителей. Предприятие, выигравшее тендер, базировалось на юге страны, там не очень-то привыкли к таким условиям работы, что еще больше усложняло задачу.

Короче говоря: холодно, темно, адский труд. И дело тут не только в дополнительной несущей способности: внизу под мостом река переходила в Стурфорсен – крупнейший неукротенный порог в Европе.

Вся конструкция громоздилась на четырех больших опорах – словно четыре ноги, они опирались на склоны по обе стороны реки, поддерживая все сооружение. Снаружи они казались монолитными, но на самом деле в них имелись заполненные гравием кессоны.

В ту самую пятницу в процессе ремонта как раз дошли до восточной опоры моста на стороне Стентрэска. В верхней части фундамента образовались трещины, поэтому пришлось снять асфальт на проезжей части, обнажив бетон под ней. В первой половине дня отбойным молотком вскрыли бетонное покрытие, после обеденного перерыва начали вынимать гравий из кессона, чтобы укрепить и заизолировать опору изнутри.

Вот там-то и лежала девушка.

Вернее, там лежали ее одежда и сумка.

Строитель, работавший отбойным молотком, был родом из Онге, человек терпеливый и опытный. Он сразу заметил, что в опоре моста находится что-то такое, чего там быть не должно, и позвал бригадира. Кессон был небольшой, этакий бетонный гробик размером в кубометр, прямоугольный и заполненный гравием, так что рабочие принесли лопаты и принялись копать.

Когда из-под гравия показались рука и одно плечо, работу срочно прервали и позвонили в полицию.

После долгого ожидания и переключений не на тех людей они наконец связались с администратором полицейского участка в Стентрэске. На тот момент бригадир был настолько напуган, что беседовать с администратором пришлось рабочему из Онге. Он объяснил ситуацию: в основании моста лежит одежда, кожаная сумка с пряжками и тело, у которого, похоже, нет головы. Женщина на телефоне в полицейском участке Стентрэска отреагировала здраво и деловито, задала уточняющие вопросы и дала строителям инструкции ничего больше не трогать, огородить место находки и ждать прибытия полицейского патруля.

После чего переговоры завершились, и строитель из Онге понял, что в этом году рождественские каникулы у него начнутся раньше обычного.

* * *

Карина Бюрстранд направилась напрямик в кухню участка, где сидел Викинг Стормберг и поедал обед из ланч-бокса вместе с практиканткой из Даларны.

– Нам нужно поговорить, – сказала Карина.

Викинг поднял на нее глаза, не переставая жевать.

– А что такое?

Она бросила взгляд вглубь коридора, где проходил Ахмед с тележкой для уборки.

– Мы можем поговорить в твоём кабинете?

Практикантка, темноволосая женщина по имени Фатима Аль-Азиз, впервые взглянула на нее с интересом. Викинг поднял брови.

– Они нашли Софию, – выпалила Карина, развернулась и пошла прочь по коридору.

Викинг догнал ее. В руке он все еще держал вилку.

– Что ты такое говоришь, черт подери?

Карина зашла в кабинет и закрыла за ними дверь. Настольная лампа освещала стопки бумаг на столе, но в остальном пространство было окутано мраком.

– Строители, ремонтирующие мост, ведущий к ракетной базе, нашли в восточной опоре высохшее тело, – проговорила Карина. – Там лежала также кожаная сумка с клапаном и карманами, ремнями и пряжками. От дубильни Бёлебю. Такая была у Софии.

Карина сглотнула.

– Голову они не обнаружили. Черепа нет.

Несколько долгих секунд Викинг стоял, уставившись на нее, – Карина буквально видела, как напряженно он думает.

– А одежда? Как она была одета?

– Одежда лежала сверху.

На несколько мгновений шеф полиции закрыл лицо руками, пробормотал нечто, напоминавшее «разрази меня гром».

– И это выяснилось сейчас, ни раньше, ни позже? – спросил он, опуская руки.

Она кивнула в сторону коммутатора, где звуковые сигналы включились на полную мощность, ибо никто не заботился о том, чтобы снять трубку.

– Позвонил какой-то парень из Дорожного управления или с того предприятия, которое выиграло тендер. С кем связаться, с уполномоченным? С криминальной полицией в Лулео?

– И с теми, и с другими, – ответил Викинг. – И начальником участка в Елливаре.

Он снова вышел в коридор, но остановился спиной к ней. Карина смотрела на его длинную фигуру, но в свете ярких ламп в приемной видела лишь темный силуэт. Он стоял, не оборачиваясь.

– Когда это произошло? Когда она пропала?

Он задал вопрос, хотя должен был знать. Всякое иное предположение немыслимо.

– В тысяча девятьсот восьмидесятом, – ответила Карина. – В августе тысяча девятьсот восьмидесятого. Второго числа. В субботу. Была гроза.

Викинг пошел в кухню, позвал практикантку и вышел на парковку.

Коммутатор затих – граждане, жаждущие пообщаться с властью, отвечающей за наведение порядка, отчаялись дозвониться. В тот момент, когда патрульная машина тронулась в путь, в холл вошел посетитель, записанный на 12.30, – ярко окрашенная мама с двумя сыновьями школьного возраста, которые остервенело ссорились из-за фигурки Бэтмена.

– К сожалению, я вынуждена попросить вас подождать несколько минут, – проговорила Карина, и женщина демонстративно вздохнула.

Зайдя в помещение за стойкой, она позвонила Роланду Ларссону – местному уполномоченному по осмотру места происшествия. Строго говоря, он уже отправился на каникулы – она дозвонилась ему в тот момент, когда он находился в торговом центре «Смостаден» в Питео, куда уехал, чтобы отпраздновать Рождество с родственниками жены.

– Выезжаю, – сказал он, перекрикивая рождественские мелодии, звучащие на заднем плане.

Карине показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Затем она набрала номер управления криминальной полиции в Лулео. Звонки эхом отдавались в тесном помещении, Карина повернулась спиной к стеклянной стене и холлу, глядя на парковку. Снаружи трепетал декабрьский свет – магический, почти неуловимый, едва возникший на пару часов в середине дня. Солнце стояло за горизонтом, на юге виднелась красная полоска неба. Неуверенный рассвет, переходивший в сумерки, так толком и не родившись.

На другом конце ответили – молодая женщина, на которую, по всей видимости, была возложена роль оперативного дежурного. Она засомневалась по поводу того, чтобы посылать людей – во второй половине дня в пятницу перед самым Рождеством. Разве местный уполномоченный с этим не справится? Точно известно, что это действительно человеческие останки? И есть обоснованные подозрения о наличии преступления?

Карина не стала объяснять девушке из Лулео, какова вероятность того, что человек без головы, замурованный в опоре моста, а) стал жертвой несчастного случая или б) покончил с собой. К тому же девушка гарантированно не в курсе исчезновения Софии Хельстен – скорее всего, еще и не родилась, когда это произошло, а судя по диалекту, она вообще не из этих мест. Вместо этого Карина медленно и четко разъяснила, что не воспринимать всерьез убийства молодых женщин было бы равносильно политическому самоубийству для полиции региона, особенно если погибшая – дочь бывшего мэра, пропавшая в подростковом возрасте. Девушка оказалась не совсем тупая, поняла ситуацию и пообещала выслать на место экспертов-криминалистов – да-да, без промедления.

Начальника полицейского участка в Елливаре на месте не оказалось, он вышел купить рождественскую ветчину, поэтому Карина проинформировала о случившемся инспектора Паананена. Затем она вернулась к стойке и занялась делом о замене паспорта. На заднем плане Ахмед включил посудомоечную машину.

Женщина, ожидавшая в холле, оказалась из Эльвсбюна. Она была раздражена – и тем, что ей пришлось ждать, и тем, что ей пришлось тащиться в Стентрэск за новым паспортом. Теперь они стали малонаселенным районом, налоги повысились, а сервиса никакого. Все деньги, выру-

ченные за лес, руду и гидроэнергию, уплывают в Стокгольм, а люди так и сидят тут, обманутые и ограбленные. Карина вынуждена была с ней согласиться.

Заученными формулировками она объяснила женщине, как сделать фото на паспорт в автомате по другую сторону плексигласовой загородки. Дети затеяли драку на полу. Женщина напудрилась еще больше и наложила на губы слой блеска, прежде чем встать перед аппаратом, но все равно осталась недовольна – ей показалось, что на фото она выглядит слишком старой. Спросила, можно ли переснять фото. Сделала еще одно, но и оно ее не удовлетворило.

– Это полицейский участок, – громко сказала Карина мальчишкам. – Для драчунов у нас есть специальные камеры.

Дети смолкли, словно кто-то выдернул шнур из розетки. Изумленно посмотрели на Карину, сели ровно и поправили шапки. Мама предприняла третью попытку.

– Хорошо, – сказала Карина и перекинула фото в свой компьютер, не дожидаясь, пока женщина начнет возражать. – Мы пошлем СМС, когда паспорт будет готов, это может занять до пяти рабочих дней, даже чуть дольше сейчас, на рождественских каникулах. Оплата при получении. Хотите заказать национальное удостоверение личности?

– А зачем оно мне?

Карина пожала плечами. Мальчики снова начали ссориться из-за игрушечной фигурки, но на этот раз шепотом.

– Оскар, Лиам, пошли, – сказала их мама, складывая в сумочку пудру и блеск для губ.

Снова замигал коммутатор. Это был репортер из газеты *Norrbottens-Kuriren*.

– Мы получили сведения, что обнаружена София Хельстен, есть ли в этом доля правды? Проклятие! Викинг вряд ли успел добраться до моста.

– Вы позвонили на коммутатор полиции, – ответила она. – Мы здесь никого не обнаружили.

– Я могу поговорить с дежурным?

– Он сидит в Елливаре.

Карина чувствовала, что журналист явно не удовлетворен ее ответами – о на догадывалась, что ее записывают.

– Кто у вас там местный шеф полиции? Стормберг?

– Викинг Стормберг – шеф полиции Стентрэска, все верно, – любезно ответила она. – В настоящий момент он вышел, но вернется через пару часов. Вы можете позвонить ему позже.

Закончив разговор, она тут же набрала мобильный номер Викинга. Тот ответил тут же.

– Все уже известно, – сказала она. – Звонили из *Kuriren*. Что там?

– Скорее всего, человеческие останки. Одежда тоже – кажется, кофта и то, что когда-то было джинсами.

– Ларссон и кто-то из управления уже едут к тебе, – сообщила Карина.

– Дело Софии Хельстен сохранилось? – спросил Викинг. – Оно должно лежать в архиве позади котельной.

От внезапно нахлынувшей паники у Карины сжалось в животе. Дело, со всеми данными, сведениями и протоколами допросов. Лето тысяча девятьсот восьмидесятого – то самое ужасное лето.

– Я посмотрю.

– И позвони Сёдерлунду в службу охраны, попроси его послать двух охранников. Ты смотрела прогноз погоды? Кто-то сказал, что ожидается шторм.

Карина кликнула на компьютере сайт метеорологической службы.

– Сегодня вечером и ночью – оранжевый уровень опасности. Снегопад и сильный порывистый ветер с гор.

Викинг громко застонал. Она молча ждала, слыша, как ветер завывает у него в трубке.

– Мы с ней учились в одном классе, – тихо проговорил Викинг. – Мне кажется, она была в меня немного влюблена.

– Все были влюблены в тебя, Викинг, – ответила Карина. – Не только те, с кем ты встречался.

Она отключилась. В приемную заглянул Ахмед.

– Я ухожу.

– С Рождеством, Ахмед! Привет семье!

Он улыбнулся и исчез. Кстати, можно ли поздравлять мусульман с Рождеством? Карина засомневалась. Хлопнула задняя дверь, когда Ахмед ушел.

Коммутатор охранного предприятия сообщал о часах работы компании. К счастью, у Карины имелся личный мобильный телефон Рикарда Сёдерлунда – тот ответил мгновенно.

– Двух человек на мост? Что там такое случилось?

Карина посмотрела в окно, за которым танцевали легкие снежные хлопья.

Дело, со всеми допросами. Все данные о том, что произошло, что каждый из них делал. Что делала она.

– Сначала загляни к нам в участок, возьми тент и прожектора, – сказала она. – У строителей наверняка есть освещение, но мы хотели бы поставить свое.

– Дам тебе двух ребят до 20.00. Потом могу поставить туда Пекку.

– Конец связи.

Скрывать эту новость от общественности более пяти минут все равно не удастся.

Засунув телефон в задний карман, Карина достала связку ключей от подвального этажа, покинула свое место за стойкой и заперла входную дверь. Правда, по пятницам они официально работали до 15.00, но в такой ситуации она не могла допустить, чтобы в холле толпились посетители. Она погасила лампы под потолком. Только гирлянда на елке по-прежнему ритмично мигала.

Когда Карина приоткрыла дверь в подвал, ее встретил грохот масляного отопительного котла. С точки зрения экологии обогревать это сквознячное бетонное здание за счет масла – полное безумие. Экоактивисты полезли бы на стенку, если бы узнали. Лестница в подвал была узкая и крутая. Сердце у Карины отчаянно стучало. Ей пришлось повозиться, прежде чем она нашла ключ от архива. Воздух внутри оказался сухим и прохладным, с легким налетом чего-то неприятного. «Как в склепе», – подумала она, хотя и не знала, каково побывать в склепе. Лампа дневного света под потолком поначалу упрямилась, мигала, но потом все-таки снизошла и решила сотрудничать.

Металлические архивные шкафы стояли штабелями друг на друге плотными рядами. Боже, она не заглядывала сюда целую вечность. Выдвинула наудачу какой-то ящик, он оказался не заперт. Где начать поиски?

Дела были рассортированы в хронологическом порядке, по дате заявления, зарегистрированного в полиции, это она знала. Но где в этом лабиринте вход? Найдя 2010 год, она стала вести пальцем по табличкам на ящиках, двигаясь назад во времени: 2009, 2008, 2007... Под ее туфлями заскрипел гравий – здесь давно никто не убирался. Тьма сгустилась, когда Карина добралась до 90-х. Лампа над 80-ми погасла совсем. Карина достала из кармана мобильный телефон и включила фонарик. 1985, 1984, 1983...

1980, июль-август

Сделав глубокий вдох, она выдвинула ящик.

Коричневая коробка с крышкой.

Дело об исчезновении

София Хельстен

2 авг. 1980

Коробка была пыльная и тяжелая, как камень. Вытащив ее, Карина задвинула ящик локтем. Поставила коробку на архивный шкаф. Положила обе руки на крышку. Сердце стучало где-то в горле. Через картон Карина ощущала жжение тайн из прошлого.

Что кому известно? Какие сведения скрыты в протоколах допросов?

Она подняла крышку – запах пыли и типографской краски. Посветила фонариком в телефоне на первый лист.

Заявление об исчезновении, составлено в понедельник, 4 августа 1980 года шефом полиции Густавом Стормбергом.

В ту же секунду в заднюю дверь заколотили. Проклятие! Это явились охранники.

Поспешно закрыв коробку, Карина взяла ее под мышку и стала подниматься по лестнице.

– Иду! – крикнула она и поставила коробку на столешницу в кухне.

Поспешила к задней двери, впустила охранников, мужчину и женщину. Приняла их так, как обычно – сдержанно и немногословно.

Охранники выглядят так молодо – или это она постарела? Она показала им кладовую, где хранились тенты и осветительные приборы. Им пришлось опустить заднее сиденье в машине и несколько раз обернуться туда-сюда, прежде чем они все погрузили.

– Погодку обещали ужасную, – сказал мужчина.

Когда машина охранников исчезла за валом счищенного снега, Карина вернулась в кухню, забрала коробку с делом Софии Хельстен в комнатку позади стойки и опустила шторы. Руки у нее слегка дрожали, когда она сняла с коробки крышку и достала документ, лежащий сверху.

Пропавшая: София Элизабет Хельстен

Дата рождения: 09.09.1962

Адрес: Бакосвеген 11

Почтовый адрес: 975 9 °Стентрэск

Словесный портрет: Каштановые волосы. Голубые глаза

Рост: 163 см

Зазвонил ее мобильный телефон – Карина подскочила, словно кто-то неожиданно закричал у нее над ухом.

Она поспешно положила лист обратно и накрыла коробку крышкой.

Звонил Хокан.

– Ты можешь заехать в *Systemet*²¹? Я буду поздно.

Она дышала поверхностно, открыв рот, чтобы Хокан не понял, как она запыхалась. Вспомнила, что приехали швейцарцы – в четвертый раз за четыре года. Взглянула на свои часы.

– Могу не успеть, – проговорила она. – Не знаю, насколько мне придется задержаться.

– Что-то случилось?

На пару секунд она крепко зажмурилась.

– Я заеду в *Systemet*, – сказала она. – Без проблем.

Он замолчал, словно собираясь с духом, прежде чем сказать нечто важное.

– Что такое? – спросила она.

– Звонила Каролина, они не приедут.

От разочарования она буквально задохнулась.

– Но... – выпалила она. – Мы же накупили еды. Все готово!

– Да, но...

– И какие отмазки она придумала на этот раз?

– Плохая погода, нога болит – сама знаешь, какая она.

²¹ «Сюстембулагет», сокращенно «Сюстемет» – магазин государственной монополии по продаже алкоголя.

Проклятие, она не должна так расстраиваться. Стиснула зубы.

– Ну что ж, – проговорила Карина. – Тем больше еды достанется всем остальным.

– Люблю тебя, – сказал Хокан.

– Я тебя тоже.

Они закончили телефонный разговор.

Как получилось, что в воспитании старшей дочери они потерпели такое чудовищное фиаско? Каролина, кажется, впитала все, что они с Хоканом презирали. Существует ли такой ген, который заставляет людей стремиться быть как все – любой ценой?

Ее невеселые размышления прервали отсветы белых прожекторов, пробившиеся сквозь шторы и пробежавшие по стенам. Подойдя к окну, Карина взглянула на парковку. Патрульная машина уже подъехала, ах ты черт. Карина отпустила занавеску и взглянула на коробку. Неприятное чувство при мысли о ее содержимом заполняло собой всю комнату. Не успев ни о чем подумать, она поставила коробку с делом Софии на свой стул и задвинула его под стол. Звук двигателя смолк, свет прожекторов снаружи погас, кто-то отпер заднюю дверь. Карина вернулась к коммутатору и прослушала сообщения на автоответчике, записанные в последний час. Звонили из всех средств массовой информации региона плюс из одной национальной вечерней газеты.

– Мы должны выступить с каким-то сообщением для прессы, – сказала Карина, когда Викинг и практикантка стряхнули с себя снег в предбаннике.

– Лучше подождать людей из Лулео и уполномоченного, – ответил Викинг. – Ты хорошо придумала про тент и прожектора.

Она отвернулась. Полицейские удалились в кабинет шефа. Практикантка демонстративно закрыла за ними дверь, задавака чертова.

Ей надо срочно купить рождественскую выпивку, ей надо срочно посмотреть, что там записано в деле. Проклятие.

– Я вышла ненадолго, по делам, – громко сказала Карина закрытой двери.

Она вернулась в комнату за стойкой – в одном из ящиков письменного стола у нее лежала холщовая сумка. Выдвинув стул, она засунула дело Софии в шопер. Оно едва поместилось. Переобувшись и накинув верхнюю одежду, она повесила на плечо сумочку и взяла шопер под мышку.

На парковку она вышла через задний ход. Бросила взгляд через плечо, когда за ней захлопнулась дверь. В кабинете Викинга горел свет, золотой прямоугольник отражался в ледяной корке на асфальте, однако Карина не увидела в окне ни его самого, ни практикантки. Ключи от машины не лежали в сумочке на обычном месте, ей пришлось отложить шопер прямо в снег, чтобы достать их. Звуковой сигнал, когда она открыла машину, эхом отдался среди кирпичных стен. Карина открыла дверцу со стороны пассажирского сиденья, положила тканевый мешок на сиденье, закрыла дверцу, заперла машину. Посмотрела на заднюю дверь полицейского участка и на окно Викинга. Никакой реакции. Только теперь она смогла перевести дух, посмотрела на звезды.

Глубокий синий цвет, заливавший небо за несколько секунд до того, как погас скупой полярный свет, теперь куда-то канул, везде царила темнота. Поправив на плече сумочку, Карина двинулась в сторону улицы Стургатан.

Адреналиновое крещендо предрождественской суеты навалилось на нее всей своей мощью. Стало быть, все как надо. Она всего лишь бюрократка, направляющаяся в магазин, чтобы купить рождественскую выпивку, избранный народом представитель, предвкушающий празднование Рождества с семьей – по крайней мере, с той ее частью, которая изволит появиться.

В убогих динамиках скрежетал звон колокольчиков, не пора ли на очередном собрании муниципалитета выдвинуть предложение по поводу покупки новых? Пульс вошел в норму – скорее всего, никакой опасности нет. Что может произойти – сейчас, сорок лет спустя?

Она похлопала дальше, ступая по снежной каше. Пакеты, коробки и коляски бились за пространство среди обледенелых сугробов. Новая феминистская уборка снега не простиралась до торговой улицы. Видимо, капитализм и потребление воспринимались как оплот патриархата.

– Привет, привет, с Рождеством! – сказал ей попрошайка у входа в торговый центр.

В *Systembolaget* не осталось ни одной свободной тележки, Карине удалось схватить одну из последних корзин на колесиках. Стала пробираться среди тел, вспотевших в своих пуховиках, к красному вину и поддонам с пивом. Здесь тоже играла рождественская музыка. Карина нашла какой-то шираз из Южной Африки, забрала все семь бутылок, оставшихся на полке. В помещении было невыносимо жарко. Затем, извиняясь направо и налево, проложила себе дорогу к испанскому игристому, взяла четыре бутылки кавы марки «Анна», этого хватит на Новый год. Придирчиво оглядев свою корзину – та уже почти заполнилась – решила все же впихнуть еще несколько банок пива *Norrlands Guld*. Придется Хокану самому сходить и купить еще в дни между праздниками – в конце концов, пиво пьет только он. Под грудью потекли струйки пота, на форменной рубашке останутся пятна. Она порадовалась, что надела сегодня пиджак и что самые тяжелые годы менопаузы и приливы для нее остались позади. Под конец она прихватила на стойке с крепкими напитками целую бутылку «Абсолюта», не было сил идти и изучать полки с разными сортами аквавита. Тому, кто захочет пропустить стопочку к рождественской селедочке, придется довольствоваться обычной водкой, которую, к тому же, можно смешивать с другими напитками, насколько она понимает. Ее мама по-прежнему любит выпить грог перед телевизором. Сама Карина не разбиралась в крепких напитках – ей казалось, что все они отдают керосином. Возможно, воспоминания о Софии Хельстен пробудили в горле привкус подростковой пьяной блевоты – тьфу, какая гадость.

– Приятно, что вы, политики, остаетесь примером для нас, других, – произнес мужчина в шерстяном пальто верблюжьего цвета, кивая на ее переполненную корзину с алкоголем.

В его голосе сквозило такое презрение, что Карину обдало ледяным холодом. Она собралась с силами и улыбнулась.

– И вас тоже с Рождеством...

– И как ты выносишь себя? А? Как ты можешь смотреть на свое отражение в зеркале? Да еще такая жирная!

Последнее он произнес так громко, что люди стали останавливаться и глазеть на них.

– Вы видите, кто это? – воскликнул мужчина в верблюьем пальто и с пылающим лицом огляделся по сторонам, указывая на нее пальцем, словно сам себя назначил Олицетворением праведности.

– Карина Бюрстранд! Все вы, кто за нее голосовал, – стыдитесь!

Все кассы работали, она выбрала ту, где очередь казалась короче всех, и начала выкладывать свои бутылки на ленту.

– Расистка!

Шепот донесся справа – от женщины ее возраста, которая встала за ней в очередь. На женщине был красивый макияж, на шее – дизайнерское украшение, из тех, какие иногда мелькают на фото инфлюэнсеров в *Instagram*.

– С Рождеством, – ответила Карина.

– Вы наверняка думаете, что это шведская традиция, ограниченные люди, – выпалила женщина.

Щеки у нее покраснелись, она заговорила громче.

– А что рождественский гном пришел к нам из Турции, а рождественская елка – из Германии, – продолжала она, – о таком вы и не слыхивали...

Расплачиваясь и складывая бутылки в пакеты, Карина ощущала спиной косые взгляды. Необычно, чтобы люди нападали на нее при личной встрече – обычно они ограничивались тем, чтобы ненавидеть ее в сети.

Получилось пять пакетов – возможно, она слегка перестаралась. Пакеты такие тяжелые, буквально неподъемные. Едва отойдя от магазина на десяток метров, она вынуждена была поставить пакеты на землю и перевести дух. Звон бубенчиков сменился новой рождественской песенкой. По обеим сторонам улицы мимо нее проходили толпы людей. Гул голосов смешивался с музыкой и хрустом гравия под ногами в единый человеческий узор.

Ей довелось дожить до этого дня. Софии не довелось.

Снова схватившись за пластиковые ручки, Карина потащила к парковке позади полицейского участка.

Снегопад усилился, ветер тоже. Карина ехала домой с ощущением, что въезжает в гигантскую метлу.

Черт-черт-черт, она думала, что лето тысяча девятьсот восьмидесятого ушло безвозвратно, навсегда, мягко опустившись в болото забвения, но сейчас оно снова всплыло, зловонное, как неопорожненный дачный туалет. Карина еще крепче сжала руками руль.

Их дом располагался на окраине городка, на осушенном болоте, которое в начале 1970-х застроили одинаковыми одноэтажными виллами модели «Эльвсбюн». Их дом был зеленым, единственный во всем квартале. Каролина всегда дико стыдилась этого: что они не такие как все.

Каролина обещала приехать на Рождество домой. В прошлом году они с мужем были в это время в Таиланде, в предыдущем году – в Южной Африке, а в 2016-м отмечали Рождество в Боллнэсе с родителями мужа. На самом же деле проблема заключалась не в этом, а в принадлежности Карины к партии Шведских демократов²². В центре Стокгольма она не котиновалась – как и в винно-водочном магазине в Стентрэске, оказывается. Каролина хотела показать своему окружению, что она соблюдает дистанцию, и это вполне понятно. Карина это знала. Когда она выдвинула свою кандидатуру на должность мэра, то понимала: она рискует, что Каролина совсем отдалится. Так и случилось. Вопрос в том, должна ли она отказаться от борьбы за то, во что верит, ради того, чтобы не осложнять отношения с дочерью, живущей за тысячи километров от нее.

Ничего не попишешь. Трусость не скроешь. Сиди и читай свою *DN*²³ в дорожной квартире с кафельной печью.

Хотя могла бы предупредить заранее, какое неуважение...

По крайней мере, Линнея с маленькой Алисией приедут. Сергей остался на нефтяной платформе – судя по всему, он получает надбавку во время государственных праздников.

Карина свернула на их улицу – Бредвеген²⁴, ничуть не оправдывающую свое название. За хлопьями падающего снега проступили желтые квадраты освещенных окон, когда она подъехала к дому 43. Пошла к дому с теплым чувством в груди – она любила Рождество. У людей появлялся повод посидеть в уютной темноте друг с другом, прекрасный праздник. Говорят, что из-за темноты народ много пьет, впадает в депрессию, доходит до нервного срыва.

Сама она ничего такого за собой не замечала. По крайней мере, во взрослом возрасте.

²² Шведские демократы – националистическая и правая популистская партия Швеции.

²³ «Дагенс нюхетер» – крупнейшая шведская ежедневная утренняя газета, выходит в Стокгольме.

²⁴ Бредвеген – буквально «широкая улица».

Адам сидел в наушниках у себя в комнате, увлеченный компьютерной игрой, он отпихнул маму, когда она попыталась его обнять. Она поставила в холодильник две банки пива, положила водку в морозилку и засунула остальные запасы на нижнюю полку в кладовой. Достала телефон и отправила Хокану эсэмэску с текстом: «Выпивка закуплена». Потом вернулась в комнату Адама, приподняла один наушник.

– Сегодня пятница, ты помнишь, что мы делаем по пятницам, – сказала она ему в ухо. – Собери свои грязные трусы.

– А-а, меня убили!

Карина вышла к машине, забрала шоппер с делом Софии и вернулась обратно в дом. Адам сидел в наушниках спиной к двери, остервенело стуча по клавиатуре. Она зашла в спальню и закрыла за собой дверь – совершенно беззвучно. Положила коробку на покрывало, закрыла шторы, зажгла ночник. Не снимая верхней одежды, села на край кровати, так что коробка наклонилась от ее тяжести. Открыла крышку.

Крепко сжала на не сколько секунд кулаки, сделала глубокий вдох.

Об исчезновении девушки сообщил Хильдинг Хельстен, ее отец.

В субботу, 2 августа, София Хельстен отправилась во второй половине дня в библиотеку, чтобы взять книги, но домой не вернулась. Они с женой не спали всю ночь и ждали. Девушка, предположительно, была одета в джинсы и сандалии, футболку и вязаную кофту. Торговые марки и цвета одежды отец более точно назвать не мог.

Карина отложила заявление в сторону, перевернув его задней стороной вверх. Надо сохранить порядок, в котором лежат бумаги.

Далее следовали какие-то списки и формальности по поводу следствия, потом начинались протоколы. Похоже, распечатки лежали в том порядке, в котором проводились допросы. Последней Софию видела Астрид, библиотекарь. Протокол допроса был составлен и отпечатан на машинке в четверг, 5 августа. Судя по всему, в первый день никакие меры не предпринимались – теперь она вспомнила, что по этому поводу потом подняли тарарам. Критиковали полицию за то, что заявление не восприняли всерьез. Было упущено драгоценное время и все такое.

Она быстро пробежала протокол глазами.

В субботу, 2 августа, София Хельстен посетила библиотеку Кварндаммской школы, возвратила книги и взяла новые.

Книги, которые она сдала:

«Оборотная сторона полуночи» Синди Шелдона

«Крупинки» Джудит Кранц

«Поющие в терновнике» Колин Маккалоу

Карина сглотнула. Именно эту книгу они обсуждали на последнем заседании читательского клуба вечером накануне исчезновения Софии.

Книги, которые она взяла:

«Последние дела мисс Марпл» Агаты Кристи

«Зеркало треснуло» тоже Агаты Кристи

«Ветры войны», часть I и часть II, Германа Воука

Что ни говори о литературных предпочтениях Софии, особо утонченными их не назовешь.

Астрид Берглунд вспоминает, что София была в брюках – возможно, джинсах, и в кофте. Возможно, голубой. Про сумки и пакеты она ничего не помнит. Девушка ушла из библиотеки перед самым закрытием, когда собиралась гроза. Астрид призвала ее поспешить домой, пока не хлынул дождь. У библиотекарки сложилось впечатление, что София Хельстен вела себя как обычно. Она не казалась нервной или расстроенной, с другой стороны, особенно веселой тоже не была. «Я всегда воспринимала ее как тихоню».

«Тихоня». Да, можно это и так назвать. Карина всегда считала, что София немного тормозит. Что-то с ней было не так – какой-то диагноз, которого тогда толком не ставили. И она регулярно ездила к какому-то доктору в Будене – неясно, почему.

Карина быстро перелистала документы. Обнаружила несколько заметок, сделанных дежурным в связи со звонками от общественности, вырезок из газет, но ни одна из них не вызвала у нее тревоги. На несколько дней в августе 1980 года всеобщее внимание во всей стране было приковано к исчезновению Софии – ведь летом так мало новостей. Но всего через неделю жизнь снова пошла своим чередом: пожар в ночном клубе, извержение вулкана – и новость о девочке-подростке, не вернувшейся домой, сместилась на последние полосы местных газет.

Карина стала листать протоколы допросов: допрос Карины Бюрстранд, 6 августа 1980.

На мгновение сердце замерло в груди. Она вцепилась в лист обеими руками. Все это она помнит, да уж, черт возьми. Как сдавило грудь, как вспотели руки, как паника обжигала изнутри. Она знала, что к ней придут, заранее продумала, что будет говорить. Явился Ларс-Ивар. Он пришел домой к родителям Хокана, куда она переехала – в первую неделю безработицы после неудачной попытки поработать на коммутаторе муниципалитета. Спросил, можно ли поговорить с ней о Софии. Ответить она не смогла, только молча кивнула. Они сидели в их с Хоканом комнате, Хокан ждал в кухне. Ларс-Ивар, в штатском, на стуле у письменного стола, она – на кровати. Что она может рассказать о своей последней встрече с Софией?

Она посмотрела ему прямо в глаза, не мигая, не дрожа.

Сейчас, читая то, что сказала тогда, она осознала, что помнит все слово в слово.

У них была встреча читательского клуба, как обычно, в первую пятницу месяца. Они прочли книгу, которую выбрала София, – «Поющие в терновнике» Колин Маккалоу, и обсуждали, как обычно. София вела протокол. Протоколы она писала всегда, хотя задним числом их никто не читал. Ничего особенного не произошло, они говорили о творчестве Маккалоу.

Не говорила ли София чего-нибудь необычного – например, что собирается уезжать?

Нет, ничего такого.

Нет, в субботу они не встречались.

«Стало быть, в последний раз ты видела Софию, когда вы в тот вечер разошлись после книжного клуба?»

«Да», – ответила на допросе восемнадцатилетняя Карина.

Пятидесятилетняя Карина закрыла глаза, воспоминания обрушились на нее водопадом. В тот вечер, на той встрече читательского клуба – как они переругались! Сусанна сравнила Колин Маккалоу с Владимиром Набоковым не в пользу последнего, и она пришла в ярость. София, обычно такая молчаливая и немногословная, стала орать на них. Агнета расплакалась. Биргитта в своей обычной манере восседала, наблюдая за всеми сверху вниз, потом поднялась и первая ушла домой. Сучка чертова. А потом – последняя встреча. Память обжигала, словно огонь. Мужчина, который не вернулся назад. Уехал, оставив ее. Больше не проявлялся, а она не знала, где его искать.

– Yes!!! – закричал Адам в своей комнате – знак того, что он успешно изничтожил большое количество противников.

Карина отложила протокол допроса самой себя. На несколько секунд закрыла глаза, потом начала листать записи допросов других членов клуба «Полярный круг».

Они никогда не обсуждали между собой, что именно сказали тогда полиции.

Факт заключается в том, что они никогда больше не встречались. Во всяком случае, не собирались группой.

Теперь, просматривая протоколы, Карина обнаружила, что все их показания совпадают. Все сказали, что они обсуждали книгу «Поющие в терновнике» и писательницу Колин Маккалоу, ничего особенного не произошло. София ничего не говорила о том, что собирается уез-

жать, ни о каких угрозах, не упоминала никакого парня. Пальцы Карины перебирали страницы, глаза летали по строчкам. Самой разговорчивой оказалась, конечно же, Сусанна – ее допрос занял восемь страниц. Самый краткий – Агнеты, по телефону из Карлстада.

Затем следовали допросы сотрудников ракетной базы.

Карина быстро просмотрела первый из них. Допрос начальника базы. Эверт Ландён. Папа Биргитты.

В те недели на базе находились представители военно-морского флота США, они измеряли влияние действий армии на инфраструктуру. С этой целью вокруг Наусты были возведены здания, мосты и виадуки. В целом Эверт Ландён не может прокомментировать, какого рода работы проводились на базе в те выходные, о которых идет речь. Что касается шведского персонала, то у него есть поименные списки – ничто не мешает полиции связаться с этой частью сотрудников. Что же касается командированных, то он ничем не может помочь: ни кто именно участвовал в работе, ни сколько их было – никаких списков нет, поскольку их никогда не существовало.

Карина судорожно сглотнула.

Быстро пролистала записи допросов других сотрудников базы. Далее в коробке лежал протокол допроса Керстин Линдгрэн, тогдашней владелицы пансионата *Stone Swamp Inn*. Он датирован 18 августа 1980 года – через две недели после исчезновения Софии.

На несколько мгновений Карина перестала дышать. Насколько это опасно? Если что-то выяснилось, полиция наверняка связалась бы с ней раньше?

Она быстро прочла документ.

В те выходные в *Stone Swamp Inn* проживало около десятка американцев. Пентагону было сдано одиннадцать комнат, однако как минимум одна из комнат использовалась для хранения оборудования, в этом Керстин Линдгрэн была уверена.

Соответственно, она была не в курсе, сколько человек проживали в отеле и не знала их по именам. Те, кто работал на базе, не регистрировались в журнале. Это была стандартная процедура – так делалось всегда.

Было ли замечено что-то необычное – какие-нибудь отклонения от нормы?

Да, пара номеров пустовала в последние десять дней. Трое или четверо мужчин покинули пансионат в ночь со вторника 5 августа на среду 6 августа. Речь идет о номерах 5, 7, 10 и 11. Номера, разумеется, были оплачены на весь оговоренный срок, до 16 августа, так что для нее это не имело значения. Просто она отметила этот факт.

Вынося за скобки документы и доказательства: известно ли ей, кто эти мужчины?

Разумеется, она их знает. Они не раз приезжали на базу весной и летом. Их работа продолжалась всю зиму, но конкретно эти четверо больше не появлялись.

У нее сложилось впечатление, что их отправили домой раньше срока?

По этому поводу Керстин Линдгрэн не хотела строить догадки. Она могла лишь утверждать, что они побывали в Стентрэске четыре раза, предполагались еще три приезда, но их заменили другими сотрудниками.

Существовали ли контакты между командированными сотрудниками обороны и местным населением?

В целом нет, за несколькими исключениями. Это касалось некоторых представительниц молодого поколения.

Карину прошиб пот. Боже милостивый.

Может ли она назвать имена? Девушек, которые общались с командировочными? Особенно в те выходные?

Керстин Линдгрэн ответила, что у нее было очень много дел. Период отпусков у местного населения, туристы, приезжающие посмотреть на полночное солнце, плюс американцы, но она отметила беготню на втором этаже.

«Беготня на втором этаже» – вот, стало быть, как это называлось! Карина отложила лист бумаги. Протокол продолжался на следующей странице.

Полицейский призвал Керстин Линдгрэн перечислить тех женщин, которых она видела бегущими на втором этаже. Последовала только одна фамилия.

Карина Бюрстранд.

София Хельстен не упоминалась.

У Карины закружилась голова, на мгновение ей показалось, что она сейчас упадет в обморок.

Поколебавшись несколько секунд, она схватила этот лист, скомкала в твердый маленький шарик и засунула в карман пальто. Целую минуту старалась восстановить дыхание. Адам в своей комнате принялся кричать и ругаться – должно быть, его подстрелили в игре. Взглянув на часы, Карина поняла, что ей срочно пора возвращаться. Быстро пролистала оставшиеся двадцать-тридцать страниц, но это было бесполезно – она не воспринимала то, что там написано.

Сложив все документы в правильном порядке, она закрыла крышку. Положила коробку обратно в шопер.

Вышла в прихожую и столкнулась с Адамом.

– Ты уже дома? – удивленно спросил он.

Коробка, которую она держала под мышкой, была тяжелая и грозила вот-вот выскользнуть из ее рук.

– Я сложила в холодильник и кладовку папину выпивку на Рождество. Пожалуйста, не выпивай все.

Она поцеловала его в щеку и вышла из дома.

Автобусная остановка за школой казалась пустой и всеми покинутой. Карина остановилась возле урны, но заколебалась. А что, если кто-нибудь начнет искать пустые бутылки? В голове пронесся образ попрошайки у торгового центра – привет, с Рождеством.

Решив оставить бумагу в кармане, Карина поехала дальше.

Как раз вышла из машины на парковке, когда приехал Роланд Ларссон. Похоже, он не очень-то соблюдал ограничения скорости на скользком шоссе от Питео.

Дело ей придется оставить в машине.

Они быстро обменялись рукопожатиями, она отперла заднюю дверь, они вошли вместе. Роланд стянул шапку, в свете ламп блеснула его бритая макушка.

– Кофе? – спросила она.

– С превеликим удовольствием.

Она указала на кабинет Викинга, и Роланд зашел, не закрыв за собой дверь. Сквозь жужжание кофейного агрегата Карина слышала их голоса. Скомканный протокол допроса жег карман.

– Мы перегородили почти всю проезжую часть, – говорил Викинг. – По западной стороне можно проехать с небольшой скоростью. Там работают швейцарцы, совсем перекрыть движение мы не можем.

– Вы уверены, что это тело?

– Не может быть никаких сомнений. Из гравия торчит рука и плечо. На теле видны повреждения, но они, похоже, возникли сейчас, когда бетон сверху вскрывали отбойным молотком.

– Так голова отсутствует?

– По крайней мере, на плечах ее нет.

– Может быть, ее утащил какой-нибудь зверь?

Карина зашла в комнату позади стойки и повесила пальто на вешалку. Надела туфли. Вернувшись в кухню, налила две чашки кофе и стакан сока, поставив рядом молоко в маленьком кувшинчике.

– Мне пойти купить вам чего-нибудь перекусить? – спросила она, расставляя перед ними на столике чашки.

– Спасибо, я обойдусь, – произнес Викинг, а двое других ничего не сказали.

Они дождались, пока она закончит и выйдет, прежде чем продолжить разговор.

– Что это за пространство, о котором мы говорим?

Карина прошла по коридору в кухню, достала из шкафа чашку и запустила кофейный агрегат. Затем вернулась и встала снаружи вплотную к двери, почувствовала, как во всем теле запульсировала кровь.

– В верху основания моста на восточной стороне, под проезжей частью...

– То есть, вернее, под велосипедной дорожкой, – перебила практикантка.

– ...под велосипедной дорожкой...

– Где бетон потрескался, – добавила практикантка.

– Это довольно большая полость, – продолжал Викинг, – заполненная гравием. Она обнажилась, когда слой бетона вскрыли отбойным молотком...

– И слой асфальта, – добавила практикантка.

В кабинете повисла тишина – она расползалась, выплескиваясь в коридор. Карина поймала себя на том, что задержала дыхание.

– Да нет, пожалуйста, продолжай, – произнес наконец Викинг. – Проинформируй уполномоченного по осмотру места происшествия, прошу.

– Ой, простите, – пробормотала практикантка. – Я... Простите.

Карина закусила губу, испытыв злорадство. Отпила кофе из чашки.

– Они пытались добраться до трещин, что-то случилось с пролетной балкой. Всю опору приходится укреплять.

– Хм, – проговорил Роланд Ларссон. – В каком состоянии тело?

– По крайней мере, на руке, торчащей из гравия, сохранились и кожа, и ткани.

– Хм, – снова сказал уполномоченный, вероятно, он что-то записывал.

– К сожалению, рабочие перенесли объекты, обнаруженные в кессоне, – продолжал Викинг. – Надеюсь, контаминация незначительная.

– Одежда и сумка? – спросил Роланд Ларссон.

– И бумажник.

– В каком состоянии вещи?

– В приличном. Кофта выглядела почти нетронутой. Джинсы в плесени и полиняли, сумка тоже. Мы их не обследовали, ждали тебя и народ из криминальной полиции.

– Должно быть, в кессоне было сухо, – задумчиво проговорил Роланд Ларссон. – По крайней мере, до недавнего момента... Никаких органических материалов, которые могли бы способствовать разложению тканей или предметов... Когда запечатали пространство?

Викинг тяжело вздохнул.

– Сколько времени мост простоял в таком виде? Сорок лет?

– Это важно, – вклинилась Задавака. – Н а все убийства, совершенные до 1 июля 1985 года, вышел срок давности.

– А были ли?.. – начал Роланд, но Задавака еще не закончила.

– Это связано с убийством Улофа Пальме, – продолжала она как ни в чем не бывало. – В 2010 году законодательство было изменено. На все убийства, совершенные после этого момента, срока давности нет. Но все, что были совершены до того, уже списаны в архив.

О боже! Карина не могла удержаться, чтобы не закатить глаза. Словно остальные тут не в курсе!

– Отпечатки пальцев? – спросил Роланд. – Есть ли сохранившиеся отпечатки пальцев? Оставшиеся со времени исчезновения?

– Не знаю, – ответил Викинг. – Я не успел посмотреть дело.

Карина чуть не подавилась своим кофе.

– Что будем делать с погодой? – спросил Роланд.

– Поезжай и оцени на месте, – ответил Викинг. – Если будет совсем жуткая погода, придется все перекрыть и оцепить место. У нас там есть охранники.

Грохот стульев по полу – судя по звукам, все встали.

– Нам необходимо идентифицировать ее, – сказал Викинг. – Фатима, постарайся договориться сотруднику Национального оперативного отдела, который ведет реестр без вести пропавших. Посмотри всех пропавших в нашем регионе, скажем, начиная с 1975 года. Возможно, нам придется связаться и с Интерполом, но это будет следующий шаг. Если, конечно, это понадобится.

Карина поспешила к стойке и стала прослушивать сообщения, записанные на автоответчик коммутатора. Быстро составила список СМИ, желавших получить информацию о находке в опоре моста, протянула Викингу, когда тот проходил мимо.

– Проклятие, – проговорил он и принялся чесать в затылке. – Ты можешь набросать заявление для прессы?

– Я перешлю его тебе, прежде чем рассылать, – ответила Карина.

– И папку с делом – куда ты ее положила?

«На заднее сиденье своей машины».

– Поставлю тебе на стол, – ответила Карина.

– Не знаешь, есть ли у Софии родственники в городе?

– Не знаю, – ответила Карина. – Мне кажется, нет.

– Где-то наверняка есть какой-нибудь троюродный брат. Сможешь найти?

Она быстро записала: заявление для СМИ, найти родственников для ДНК.

– Попроси криминалиста из Лулео ехать прямо к нам, как только он появится, – сказал Викинг.

Роланд Ларссон и Викинг ушли. Фатима сидела в одной из внутренних комнат и названивала в Национальный оперативный отдел, закрыв дверь, чертова воображала. Карина дождалась, пока патрульная машина исчезла из виду, потом пошла и достала из машины холщовую сумку. Снег ударил в лицо. Войдя в дверь, она скинула с себя шопер и понесла коробку в кабинет Викинга. Верхний свет был выключен, горела только настольная лампа. Карина поставила коробку посреди стола, рядом с недопитым стаканом сока.

Затем уселась в комнатке позади стойки и принялась бронировать номера, распечатывать карты и описания. Затем набросала краткое заявление для СМИ. Такие обычно публиковались на сайте Полицейского ведомства в разделе «Новости и события», там представители СМИ пусть и читают. Она сжала руки в кулаки, пытаясь сосредоточиться. По стенам то и дело проносились отсветы автомобильных фар. Карине и в нормальном состоянии такое давалось тяжело. Никогда она не умела четко формулировать мысли в письменной форме. Лучше всего это получалось у Агнеты, она у них в группе считалась писательницей. У Агнеты была голубая портативная пишущая машинка марки *Facit*, на которой она печатала рассказы для молодежных журналов. Свои комментарии к встречам читательского клуба она также набирала на машинке. Никто другой не записывал свои мысли подобным образом, но у Агнеты была потребность на что-то опереться – вероятно, потому, что она немного заикалась... Сусанна вовсе не так много писала в молодые годы, это сейчас она стала журналисткой-фрилансером – то есть безработной, как это, кстати, называется на нормальном языке. У Сусси всегда лучше получалось болтать, чем писать – и думать.

– В НОО²⁵ никто не отвечает, – сказала Фатима, остановившись в дверях. – У тебя есть какой-нибудь список надежных телефонов?

Подумать только, какая неожиданность – Задавака столкнулась с трудностями и решила опуститься до уровня вольнонаемных сотрудников.

Карина подняла глаза на практикантку, топтавшуюся на пороге. Да уж, задача у нее так себе. Вечером в последнюю пятницу перед Рождеством даже самые крутые зубры из Национального оперативного отдела нашли себе занятие поинтереснее, чем сидеть в своих кабинетах. Ясное дело, что на офисные номера никто не отвечает.

Надо не забыть отделаться от листка бумаги в кармане пальто.

– У нас, телефонистов на коммутаторе, к сожалению, нет тайного клуба, где мы обменивались бы секретными номерами телефонов, – ответила она.

Карина уселась поудобнее на своем офисном стуле – Задавака выглядела так, словно вот-вот разорвется на куски.

– Но если тебе действительно ни до кого в Стокгольме не удастся дозвониться, то можешь позвонить в дежурную пресс-службу. Они отвечают всегда. У меня есть мобильный телефон начальника пресс-службы Стокгольмской полиции, он может достать кого угодно в любое время дня и ночи. Позвони ему и передай привет от меня, я перешлю тебе его номер эсэмэской.

Взяв со стола свой телефон, Карина нашла человека, о котором говорила, и переслала его контактные данные практикантке. Затем вернулась к написанию заявления для СМИ.

Несколько секунд Фатима стояла неподвижно, растерянная и раздавленная. Когда эсэмэска звякнула в ее телефоне, лежащем в кабинете, она поплелась туда.

Начальник пресс-службы Стокгольмской полиции в свободное время писал детективные романы, прошлой весной Карина организовала ему встречу с читателями в библиотеке, которая оказалась вполне успешной. По всей вероятности, он уже давно позабыл о ней, но фраза «передай привет от меня» ни к чему не обязывала. Задавака скорее умрет, чем передаст привет от телефонистки. И он правда помогал ей пару раз найти нужных людей.

Заявление полицейского участка в Стентрэске для прессы

Находка в окрестностях Стентрэска может быть человеческими останками

В пятницу в 12.15 в полицию поступил сигнал, что во время проведения строительных работ на территории муниципалитета были обнаружены предположительно человеческие останки.

Место расположено возле Питеэльвен, рядом с трассой 347. В связи с установкой полицейского ограждения движение транспорта на Грансель и обратно может быть ограничено.

Полиция и эксперты-криминалисты выехали на место, чтобы оценить, следует ли начать дальнейшее расследование.

Новости из полиции

Опубликовано

20 декабря 2019 в 18.23

Не то чтобы за такое сразу дали Нобелевскую премию, но она отправила текст Викингу на утверждение по WhatsApp. Сразу же пришел ответ.

Может быть, написать «движение на ракетную базу и обратно»?

²⁵ Национальный оперативный отдел.

Она и сама об этом думала.

Мне показалось излишним выкладывать описание местоположения ракетной базы. Грансель звучит более нейтрально. Все, кто в курсе, и так поймут.

Она выждала полминуты.

Ты права. Отсылай.

Она опубликовала сообщение. Строго говоря, оно ни о чем не информировало, только подтверждало очевидное: что почти вся проезжая часть на мосту перегорожена. Всё равно все начнут звонить. Она услышала, как практикантка с кем-то беседует по телефону за закрытыми дверями. Наверное, дозвонилась до начальника пресс-службы.

Зазвонил ее мобильный телефон. Снова Хокан. По звуку она поняла, что он включил громкую связь в машине.

– Звонила Сусанна, – сказал он. – Говорит, что нашли Софию. Это правда?

Она поднялась и закрыла дверь комнаты. Осталась стоять у письменного стола, глядя в темноту.

– Ты один?

– Да.

– В опоре моста Грансельсбрун нашли труп женщины. Это может быть она.

– Ах черт! Я только что проезжал мимо, там черт-те что творится, все перегорожено.

Он замолчал. Сорок лет – большой срок. Хокану было всего пятнадцать, когда все это произошло, однако он помнит.

– Стало быть, новость достигла стокгольмских газет, – проговорила Карина.

– Обе газеты уже зацепились за это, и на *Flashback*²⁶ длиннющий тред. Сусанна сказала, что приедет раньше, чем собиралась, – прилетит первым самолетом завтра утром. Хочет сделать подкаст.

– О боже, – выдохнула Карина и плюхнулась на свой офисный стул.

– Знаю, – произнес Хокан. – Хотя, наверное, хорошо, что ей есть чем заняться. Первое Рождество без Кристера, она так и так будет на стенку лезть.

Карина увидела, как на парковку заезжает машина криминальной полиции из Лулео.

– Приехали из Лулео, мне придется еще задержаться.

– Я звонил Адаму, попросил его поставить картошку.

– Он слышал про труп?

– По крайней мере, он ни о чем не спросил. До скорого!

Карина пошла к задней двери и отперла ее эксперту-криминалисту. Это оказалась молодая женщина, с которой она никогда ранее не встречалась.

– Сандра Хаммарлунд, – представилась женщина и пожала руку – пожалуй, даже слишком крепко.

Ей наверняка приходится нелегко.

Карина представилась и провела Сандру Хаммарлунд внутрь. Строго говоря, она должна была бы отправить ее к практикантке, но Задавака все еще сидела за закрытой дверью и разговаривала по телефону.

– Шеф полиции и уполномоченный выехали на место, – пояснила Карина и протянула эксперту две карты, которые заранее распечатала, – одну более общую, вторую более подробную, с координатами. – Там все огорожено, поставлены тенты и освещение. Ночью там будут дежурить охранники. Я забронировала тебе номер в *Swamp*, это пансионат в центре города. Он обведен красным кругом.

²⁶ Flashback – самый посещаемый шведский интернет-форум.

Она указала на карту.

– Если ты дашь мне свой номер, я пошлю тебе эсэмэской контакты всех участников процесса.

Сандра Хаммарлунд достала из внутреннего кармана пиджака визитную карточку и протянула ее Карине.

– Насколько далеко находится этот мост?

Карина взглянула на освещенную парковку.

– Совсем недалеко. Около километра пешком. На машине два-три, может быть, четыре.

– Если я правильно поняла, у вас тут в деревне есть давнее нераскрытое дело об исчезновении?..

В деревне?

– Дело у шефа на столе, – ответила Карина.

Ей удалось добиться того, чтобы голос звучал совершенно обычно.

На звук голосов вышла из своего кабинета практикантка. Не хотела упустить случая показать себя. Сердечно поздоровалась с коллегой из Лулео – оказалось, они знакомы. Ясное дело.

Карина улыбнулась.

– Тебе удалось дозвониться до оперативного отдела?

Она просто не могла сдержаться. Фатима сразу помрачнела.

– Нет, но начальник пресс-службы обещал перезвонить.

– Отлично, – ответила Карина и скрылась в комнатке за стойкой, ощущая спиной испепеляющий взгляд Задаваки. Переслала Сандре Хаммарлунд все контакты, которые той могли понадобиться, включая номер пансионата *Stone Swamp Inn* и личный мобильный телефон его нынешней владелицы Бритт-Мари.

Оглядела парковку, скользнула взглядом к реке. Идти не километр, скорее полкилометра. Если пойти по дорожке за школой.

Сама она никогда не ходила этим путем. Тропинка была крутая, темная и скользкая. Вплотную к тропинке стояли хвойные деревья, протягивая ветки к тем, кто проходил по ней. Кто-то сказал однажды, что там живут лесные тролли, которые поедают маленьких детей. Кто это сказал? София?

Карина не могла вспомнить. Воспоминания и стыд слились, смешались воедино.

Сандра Хаммарлунд уехала на место находки. Задавака окопалась в своей комнате.

Сидя в полумраке, Карина пыталась разобраться в родственных связях Софии. Государственный реестр частных лиц и адресов не слишком много добавил. В Швеции обнаружилось более тысячи двухсот ныне живущих граждан по фамилии Хельстен.

Она сходила на кухню и принесла себе кофе.

Ведь София всегда встречала Рождество с кузиной? Где-то в другом конце региона? Мама была откуда-то с юга – как была ее девичья фамилия? Карина понятия не имела. А вот папа был родом из Мальмфельтена.

Вернулась патрульная машина, Викинг был один. Карина услышала, как хлопнула задняя дверь, – он направился прямо в свой кабинет.

Она ограничила параметры поиска, сосредоточившись на северной части региона. Составила список Хельстенов, живущих в Норрботтене, искала в открытых источниках их адреса и телефоны. Распечатала список, подошла к кабинету Викинга и постучалась.

Он сидел, разложив перед собой стопками материалы дела, коробка был отставлена на боковой столик, крышка упала на пол.

– В Норрботтене проживает на сегодня двадцать четыре человека по фамилии Хельстен, – сказала она, положив список на угол его стола.

– Сядь, – велел он, указывая на стул для посетителей с другой стороны.

Она села, усилием воли заставила себя дышать животом. Настольная лампа отражалась в очках для чтения на носу у Викинга.

– Вы были одними из последних, кто ее видел, – проговорил Викинг. – Ты и остальные, ваш читательский клуб по пятницам.

Карина поколебалась – ну да, вероятно, так и есть.

– Не случилось ли в тот вечер чего-то необычного? Такого, что тебе вспоминается теперь, задним числом?

Она закусила губу, подумала немного.

– Прошло сорок лет, – проговорила она. – Что заставляет тебя думать, будто...

– Я не думаю, я спрашиваю, – уточнил Викинг.

Он снял очки, посмотрел на нее проницательным взглядом. Карина опустила глаза, посмотрела на свои часы.

– Завтра утром придет Сусанна, – ответила она. – Вероятно, она помнит больше, чем я.

– Так ничего особенного? Совсем ничего? Ничто не отличало тот вечер от обычной ситуации?

– Строго говоря, нет. Кроме того, что мы обсуждали на редкость скучную книгу.

– Что ты имеешь в виду?

Проклятие! Язык мой – враг мой. Она тяжело вздохнула.

– Книгу выбрала София. Она любила бестселлеры. В отличие от меня.

Он что-то отметил в блокноте, лежащем перед ним.

– Ты поддерживаешь отношения с Агнетой и Биргиттой?

– Иногда, – ответила Карина. – У нас есть группа в *Facebook*.

Несколько мгновений он смотрел на нее. Она выдержала его взгляд, не моргая.

– Мне нужно будет побеседовать с вами со всеми, – проговорил он и снова склонился над бумагами.

Карина поднялась. Задвинула стул. Вышла из кабинета, спокойно и естественно.

* * *

Стентрэск – муниципалитет лена Норрботтен в Лапландии. Центр – Стентрэск. Город называют «Воротами к порогам», это выражение сохранилось со времен путешествия Карла Линнея в Лапландию в 1732 году.

Стентрэск расположен на реке Питеэльвен в регионе Норрботтен, ближайшие населенные пункты на юге – Эльвсбюн и Арвидсъяур, на востоке – Буден, а также Йоккмокк на севере.

В плане церковной принадлежности с 1809 года относится к общине Стентрэск, до того принадлежал к общине Недерлулео.

До 1893 года населенный пункт подчинялся окружному суду Йоккмокка, затем до 1928 года существовал суд Стентрэска. С 1971-го по 2002-й Стентрэск относился к судебному округу Будена, а с 2002-го – входит в судебный округ Лулео.

В муниципалитете проживает 9031 человек.

В последние четыре десятилетия наблюдалась умеренно отрицательная динамика населения.

(Из книги «Факты о муниципалитетах Швеции»)

Алекс Хейли «Корни». Выбор Сусанны Юханссон. 2 мая 1980 года, пятница

Май в Стентрэске. Тьма однозначно капитулировала, хотя холод пока не собирается отступать. Тающие грязные сугробы лежали, погибая, вдоль фасадов домов – их дни сочтены. Камнеломка уже рванула из промерзшей земли, потянула лепестки к свету. Река вот-вот готовилась сбросить оковы льда – не только на незамерзающих порогах, но и по всей протяженности до самого моря. В Ботническом заливе лед тронулся, на финской стороне откололись последние льдины.

Настало время ликования.

* * *

Мысль о «Полярном круге» первой возникла в голове у Сусанны, едва она проснулась. Возможно, ей что-то приснилось, она не помнила, но ситуация казалась на редкость достоверной. Она сидела там, в комнате сказок: запахи, звуки, крошечные окошки под потолком. Карина сидела рядом с ней, откинувшись в кресле-мешке, тепло бедра Карины обжигало ей бедро. Во рту пересохло от страха и желания, от той опасности, которой она себя подвергала.

Теперь они не встречались, виделись только в «Полярном круге». Там они обнимутся при встрече, будут сидеть рядом, смогут заглянуть друг другу в глаза, обсуждая очередную книгу.

Внутри все сжалось от страха и предвкушения – возможно, сказался и голод.

А вдруг кто-нибудь догадается?

Она должна держаться на расстоянии, не допустить, чтобы кто-нибудь узнал. Все помнят, что случилось с Педиком-Бенгтом, которому выбили зубы на парковке возле универмага. Кровь вмерзла в лед и до самой весны просвечивала сквозь снежное покрывало. Никто ничего не видел, хотя все знали, что произошло. Потом последовали разговоры про толерантность – грош им цена.

Протянув руку, Сусанна включила радио, стоявшее на тумбочке у кровати, настроила его на первую программу. Конечно же, утренние новости только что закончились, теперь ей придется слушать нудное музыкальное радио до следующего выпуска погоды.

Она еще полежала в постели, отгоняя от себя мысли о Карине и «Полярном круге». Прислушивалась к звукам, доносившимся из кухни, где крутилась мама. Папа уже уехал на работу. За стенкой царила тишина – младший братец точно еще не проснулся.

Собравшись с силами, она вылезла из теплой постели. Пошлепала босиком, пописала в маленьком туалете между своей комнатой и комнатой брата – ай-ай-ай, какой холодный пол! Выпила несколько глотков воды из стаканчика для чистки зубов. Поспешила обратно в свою комнату, встала на тряпичный коврик и открыла дверь платяного шкафа. До чего же ей надоели шерстяные брюки и теплые колготки! Правда, многослойная одежда сейчас в моде, это выглядит богемно – типа как проснуться утром и оставить волосы распущенными по спине, спонтанно и беззаботно, локоны будут прыгать вверх-вниз, когда ты идешь по школьному коридору, но сама ты прекрасно осознаешь, какая ты свежая и грациозная, ты постоянно здесь и сейчас, вот такой ей хотелось бы быть. Стройной, расслабленно-небрежной, с покрытыми серебристым лаком ногтями, беззаботно жующей жвачку...

В зеркале на дверце шкафа отражалась вся ее фигура – в трусиках и спальной футболке. С ростом ничего не сделаешь, не уменьшишься же, и стройнее просто не бывает. Волосы она мыла травяным шампунем, но такими пышными и выющимися, как у Карины, они не становились...

Внутри все сжалось. Отвернувшись от зеркала, Сусанна посмотрела на школьное фото девятого класса, прикрепленное на доске над столом – над маленькой фотографией Карины, вставленной под рамку. Это была одна из тех крошечных индивидуальных фотографий, которыми обмениваются с друзьями. Она тоже подарила свое фото Карине.

Она приложила руку к низу живота, ощутила тепло через хлопчатобумажные трусики. Как две женщины занимаются любовью? Этого она не знала, но было бы желание, а способ можно найти.

Радио заиграло музыкальную заставку к прогнозу погоды, Сусанна закрыла дверцу шкафа. Пока слушать нечего. Пройдет вечность, прежде чем они дойдут до Норрботтена.

«...пасмурная и дождливая погода, переходящая в течение дня...»

Она подошла к доске над столом. Фотография была снята весной 1978 года, 9 «А» класс Кварндаммской школы. Многие из парней специально вырядились, напялили кепки и солнцезащитные очки, висели друг на друге, пытались выглядеть крутыми. Вот они с Кариной рядом, позади них Викинг и Кристер – Карина небрежно опирается на ее плечо сложенными в замок руками, она обвивает рукой талию Карины. Сама она широко улыбнулась в камеру, а вот Карина смотрит серьезно, взгляд у нее загадочный и мечтательный. Видны ее бедра, ее неподражаемая грудь. Рядом стоят, обнявшись, Агнета и София, обе одинаково веселые. Биргитта – единственная на фотографии, кто не смотрит в камеру, она стоит последней справа, повернувшись в сторону, видны только ее черные волосы и острый профиль. Маленькая фотография Карины под общим снимком, несмотря на скромные размеры, великолепна – волосы, губы, глаза...

Сусанна сосредоточилась на прогнозе погоды по радио, метеоролог бормотал что-то, словно зомби, но вот он уже оставил позади Свеаланд и долину озера Мэларен. Оторвавшись от фотографий, Сусанна вернулась к шкафу, выбрала две пары джинсов.

Она слишком высокая, у нее слишком маленькая грудь и слишком широкие бедра, но все это можно компенсировать, если правильно одеваться. Главное знать и учитывать особенности своей фигуры, чтобы в целом производить нормальное впечатление. Она знала, что для этого нужно – маленькие туфельки на низком каблучке, избегать поперечных полос, которые подчеркивают бедра, все эти очевидные правила, ну и свободные блузки с красивыми вырезами, ее любимые на нынешний момент – лимонно-желтая от *Fruit of the Loom* и мятно-зеленый джемпер от *UCLA*, модные бренды и приятные на ощупь материалы.

«...в течение дня пасмурная погода сменится...»

Почему Норрланд всегда упоминают в прогнозе последним? По какой причине всегда двигаются снизу вверх, от Сконе и на север? Разве не логичнее было бы начать сверху, а потом пойти вниз? Ведь именно так обычно поступают во всех иных ситуациях. Никто не читает книжную страницу снизу вверх.

Бросив джинсы на кровать, она подошла к окну. Солнце встало уже пару часов назад, распространяя зыбкий, трудно поддающийся описанию свет. Термометр, который Поросянок помог ей прикрутить к раме, показывал плюсовую температуру – правда, всего один градус тепла, но все же. Многообещающе!

«...на побережье и в материковой части Норрланда. Переменная облачность, на юге Лапландии возможны снежные бури. Температура от плюс одного до плюс девяти градусов. Вечером и ночью ясно...»

Девять градусов тепла, вот как надо было сказать! Никаких теплых колготок под брюки, никакого шарфа, достаточно налобной повязки.

Она вернулась к кровати, на которую бросила джинсы. Ведь она может выбрать совсем светлые, которые дышат летом, зеленеющими березами, бурлящими ручейками и полуденным солнцем. Проклятие! Ее самые светлые джинсы ей маловаты. В них будет неудобно сидеть, но что поделаешь? Девять градусов! Пастельные цвета с головы до пят – и майка, и джемпер.

Она снова поспешила на цыпочках в туалет, ощутила сквозняк на полу, помыла лицо и подмышки. Брызги полетели во все стороны, на полу образовалась лужа – Сусанна вытерла ее полотенцем. Мама сто раз говорила ей, чтобы она так не делала: «Полотенце – это не половая тряпка!» Но кому какое дело до обычного полотенца, купленного в супермаркете? Которое к тому же посерело от того, что его выстирали вместе с черным носком? Да-да, стирала-то она, но не она оставила в машине черный носок – привет, Поросенок! К тому же пол совсем не грязный. Она прокатала под мышками роликовым дезодорантом с цветочным запахом и помахала локтями, чтобы влажные пятна поскорее высохли. Мама грохотала на кухне посудой – судя по ее шагам, она набирает в легкие воздуха, чтобы издать утренний клич.

– Хокан, ты поднялся?

Само собой, он еще не встал. Можно было и не спрашивать. Она выскочила из туалета, сжала руку в кулак и заколотила в дверь брата.

– Поросенок, вставай живо!

Бормотание за дверью, жалобное поскрипывание кровати.

Она поспешила обратно в свою комнату, плюхнулась на пуфик перед трюмо. Так, надеть носки – не уродливые «трубки», а настоящие, с пяткой. Поймала себя на том, что сидит, скрючившись, так не годится. Выпрямила спину – для высоких осанка важнее всего. Не пытаться съежиться, это вызывает презрение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.